

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)**

Выпускная квалификационная работа на тему:

***Петербургская университетская школа:
философия, теория и методология истории на рубеже XIX-XX вв.***

по направлению подготовки 030600 - *История*
образовательная программа бакалавриата *История*
профиль: *Отечественная история*

Выполнил:
студент 4 курса
очного отделения
Демченко Виктор Андреевич

Научный руководитель
кандидат исторических наук, доцент
Ростовцев Евгений Анатольевич

Санкт-Петербург

2017

Содержание

Введение.....	3
Глава I. “Кризис” российской историографии рубежа XIX-XX вв.....	22
Глава II. Философия, теория и методология истории в творчестве учёных Санкт-Петербургского (Петроградского университета).....	39
§ 1. Историко-филологический факультет.....	40
§ 2. Восточный факультет.....	70
§ 3. Юридический факультет.....	83
Заключение.....	98
Список использованных источников и литературы.....	100
Список сокращений.....	114

Введение

Актуальность исследования. Укоренившееся в общественном сознании противопоставление Москвы и Петербурга как наиболее передовых культурных центров России восходит к началу XVIII в. Проводившиеся в это время Петром I радикальные преобразования стали основным фактором, предопределившим последующую историю разделения “старой” и “новой” России¹. Если олицетворением первой неизменно выступала первопрестольная столица, остававшаяся символом исконной русской культуры, то вторая, как правило, отождествлялась с Петербургом – городом, само существование которого было обусловлено становлением России на новый, европейский путь развития, главной опорой на котором и должна была стать новая столица.

Своим зарождением данная антитеза обязана, главным образом, отечественной интеллигенции, для которой вопросы исторического развития России и её места в мире всегда оставались наиболее острыми и актуальными. Созданная узким слоем наиболее образованной части российского общества дихотомия вскоре расширила свои рамки: проблема Москва-Петербург постепенно становилась предметом всё более широкого общественного обсуждения². Однако, чем активнее поставленный вопрос муссировался в литературе, тем более стереотипную форму он приобретал. Попытки переосмысления культурно-исторического образа Москвы и Петербурга вызывались к жизни множеством факторов (например, сменой внутри- или внешнеполитического курса, состоянием цензуры, ростом оппозиционных настроений в обществе и т.д.), в то время как сама оценка обоих городов в большинстве случаев абсолютизировалась, приобретая либо

¹ Тихонов В. В. Московская и петербургская школы “русских историков” в контексте дихотомии “Москва-Петербург” (конец XIX – начало XX в.) // Люди и тексты. Исторический альманах. 2012. М., 2013. С. 344.

² Смирнов С. Б. Петербург-Москва: сумма истории. СПб., 2000. С. 8.

позитивный, либо негативный оттенок³. Несмотря на данное обстоятельство, Москва и Петербург, противопоставлявшиеся друг другу вплоть до падения Российской империи в 1917 г., вместе составляли целостное представление об отечественной науке и культуре на протяжении всего дореволюционного периода.

Таким образом, процесс развития указанной проблемы не был однородным. В его течении можно выделить целый ряд значимых этапов. Во всех отношениях уникальной вехой в истории антитезы Москва-Петербург является рубеж XIX-XX веков. Ускорившиеся после Великих реформ процессы модернизации и урбанизации значительно нивелировали прежние социокультурные противоречия между обоими центрами. Но параллельно их место замещали новые образы: всё чаще в социальном сознании столица ассоциировалась с оплотом проправительственного бюрократического слоя, Москва же воспринималась как центр растущей оппозиционности, особенно ярко проявляющий себя в кризисные периоды⁴. В результате осмысление сущности культурных феноменов Москвы и Петербурга активизировалось с ещё большей силой. Одновременно выявлялись наиболее характерные их черты. Ввиду ощущения своей особой близости к культурному наследию Европы, Петербург отражал результат насчитывавшего уже несколько веков взаимодействия России и Запада, занимая между ними некую промежуточную позицию, из чего следовала трудность отождествления города как с русским, так и с европейским культурным типом, его чрезвычайная толерантность и открытость внешнему миру. Все эти особенности непосредственно сказывались и на характере петербургского научного сообщества, в первую очередь на представителях гуманитарного его направления вследствие их большей чувствительности к переменам в культурной жизни страны.

³ Тихонов В. В. Московская и петербургская школы “русских историков” в контексте дихотомии “Москва-Петербург” (конец XIX – начало XX в.) // Люди и тексты. Исторический альманах. 2012. М., 2013. С. 345-346.

⁴ Смирнов С. Б. Петербург-Москва: сумма истории. СПб., 2000. С. 70.

Параллельно в указанный хронологический период в России происходит окончательное оформление московской и петербургской университетских школ. Характер каждой из них стал отражением социокультурной обстановки, сложившейся к этому времени в обоих городах⁵. Отечественное научное сообщество также не смогло избежать воздействия той культурной атмосферы, которая окутывала каждый университет. Само понятие “школы” как феномена высшего образования в России можно рассматривать как средство для иллюстрации существовавших в российской научной среде расхождений между различными сообществами учёных⁶. Как Москва по своему духу противопоставлялась Петербургу, так и Московский университет противопоставлялся петербургскому. Университеты являлись естественными центрами притяжения для мыслящей интеллигенции обоих городов, приобретая для неё в некотором смысле аналогичное значение собственных “столиц”.

Столичный университет нёс на себе множество штампов, закрепившихся в общественном сознании за Петербургом как бюрократическом центре страны. Сказывалось это не только на форме проведения учебных занятий, характере коммуникации между учёными, их лояльности правительству и относительной политической пассивности (в отличие от своих более оппозиционных московских коллег⁷), но и на научно-исследовательской деятельности петербургских учёных⁸. При этом основные расхождения между университетскими центрами касались преимущественно вопросов теоретического и методологического характера. В частности, в

⁵ Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 7.

⁶ Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт “русской исторической школы”. Казань, 2000. С. 113.

⁷ Ростовцев Е. А. Университет столичного города (1905-1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века). М., 2009. С. 264.

⁸ Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 36.

данная тенденция прослеживается на примере развития исторической науки в рамках московской и петербургской университетских школ. К наиболее характерным чертам петербургской исторической школы ряд исследователей относит⁹:

- Придание первостепенного значения источниковой базе, на основе анализа которой проводится дальнейшее исследование, идиографическая направленность научного исследования¹⁰ (в отличие от социологического подхода московских историков);
- Отстаивание важности сбора, описания и последующей публикации источников, чем руководила, например, Археографическая комиссия в Петербурге, а также поощрение развития вспомогательных исторических дисциплин, специализирующихся на источниковедческой составляющей исторического исследования (в Москве подобные стремления были делом личной инициативы, они не были организованы и не носили централизованного характера);
- Преимущественное внимание к факту, неприятие малообоснованных гипотез (в сравнении с более вольными теоретическими построениями представителей московской школы);
- Минимальная вовлечённость петербургских исследователей в вопросы, касающиеся политики (в то время как московские исследователи стремились к активному взаимодействию с властью через существующие в стране политические институты);
- Отсутствие в среде учёных-историков Петербургского университета выраженных лидеров харизматического типа (в Москве же в области русской истории такой личностью был В. О. Ключевский,

⁹ Тихонов В. В. Московская и петербургская школы “русских историков” в контексте дихотомии “Москва-Петербург” (конец XIX – начало XX в.) // Люди и тексты. Исторический альманах. 2012. М., 2013. С. 352-353.

¹⁰ Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 36.

имя которого носила московская историческая школа, в области всеобщей истории – В. И. Герье).

Явившееся результатом культурно-психологической антитезы Москва-Петербург столь явное противопоставление университетских школ имело своим результатом формирование в каждой из них особого, “схоларного” самосознания¹¹. Несомненно, данное обстоятельство создавало немалые трудности в процессе научного сотрудничества университетов¹², создавая между ними чаще всего искусственные барьеры¹³. Особенно это касалось московских исследователей, Петербург же, напротив, неизменно оставался обителью для множества нестоличных учёных ввиду своей большей открытости¹⁴. Эклектизм духовной жизни столицы, сочетавшей в себе как европейскую, так и русскую культуру, а также чрезвычайная толерантность её университета к проникновению в свою среду самых разнообразных идейных течений предопределили уникальный облик петербургского научного сообщества, окончательно сложившийся на рубеже XIX-XX вв. Специфика университетской школы Петербурга оказывала непосредственное воздействие на научно-исследовательскую деятельность её представителей, в частности - на используемые ими теоретические и методологические концепции. Данные особенности нашли своё отражение в творчестве петербургских учёных-историков, что дало исследователям основание выделять в рамках петербургского университетского сообщества самостоятельную историческую школу. Изучение теоретико-методологических и историософских взглядов представителей как

¹¹ Шмидт С. О. Жизнь и творчество историка С. Ф. Платонова в контексте проблемы “Петербург-Москва” // Шмидт С. О. После 75. Работы 1997-2001 годов. М., 2012. С. 488.

¹² Письма С. Ф. Платонова П. Н. Милюкову. Окончание (Подг. В. П. Корзун, М. А. Мамонтова) // История и историки. 2003. Историографический вестник. М., 2003. С. 316-317.

¹³ Пресняков А. Е. Письма и дневники. 1889-1927. СПб., 2005. С. 661-663.

¹⁴ Корзун В. П. Московская и петербургская школы русских историков в письмах П. Н. Милюкова С.Ф. Платонову // Отечественная история 1999. № 2. С. 176.

исторического, так и других гуманитарных факультетов Петербургского университета на рубеже XIX-XX вв. позволяет составить целостное представление о феномене данной школы, а также проследить его влияние на современное состояние философии, теории и методологии истории в рамках Санкт-Петербургского государственного университета.

Объектом данной работы выступает петербургская университетская корпорация на рубеже XIX-XX вв.

Предметом исследования является историософская и теоретико-методологическая специфика петербургской университетской школы.

Хронологические рамки работы охватывают период с 1884 г., когда был принят новый университетский устав, закрепивший новую структуру университетов, до революции 1917 г. В ряде случаев для лучшего освещения и понимания рассматриваемой проблематики исследование охватывает более широкие хронологические рамки, включающие в себя период с 1860-х до начала 1880-х гг., а также часть истории советского периода вплоть до начала 1930-х гг.

Цель работы – реконструировать основные черты петербургской школы философии, теории и методологии истории на рубеже XIX-XX вв.

Исходя из поставленной цели в ходе работы решаются следующие **задачи**:

- определение круга представителей петербургской университетской школы философии, теории и методологии истории, их места в университетской корпорации, значения различных подразделений университета в формировании школы;
- выявление круга основных источников, связанных с развитием петербургской школы философии, теории и методологии истории;
- анализ истории формирования и развития концепции “кризиса” российской исторической науки в конце XIX – начале XX вв. в отечественной историографии;

- оценка вызвавших данное явление внешних и внутренних причин, а также формирование представления о его сущности;
- выявление специфики петербургской университетской школы в контексте развития российской и мировой исторической и философской мысли;
- определение идейно-философского контекста развития школы (в том числе круга идейных, философских и теоретико-методологических концептов, повлиявших на творчество и взгляды петербургских учёных);
- оценка влияния социального контекста на развитие историософских взглядов представителей университетской школы.

Источниковая база исследования представлена несколькими группами источников. Наибольшее значение для исследования имеют *нарративные источники творческого происхождения*, отражающие историософские и теоретико-методологические взгляды представителей петербургской университетской школы указанного периода (В. В. Бартольда, А. Д. Градовского, Н. И. Кареева, В. И. Ламанского и др.).

В работе задействованы *источники личного происхождения*. Используемые мемуары и дневники отражают взгляды современников на феномен петербургской университетской школы, что позволяет проследить истоки её зарождения. Аналогичное значение имеют эпистолярные источники.

Также был задействован комплекс *делопроизводственных источников*, связанных с жизнью университета рассматриваемого периода¹⁵, в том числе – неопубликованные источники, отражающие служебную карьеру преподавателей Петербургского университета¹⁶.

Историография проблемы огромна и включает в себя различные аспекты, связанные как с традицией изучения философии и методологии истории, так и со схоларной проблематикой. В рамках данного историографического обзора, учитывая специфику работы, целесообразно осветить развитие именно схоларного направления научных штудий.

¹⁵ Прежде всего, интерес представляют обозрения преподавания наук и университетские отчёты. См.: Обозрение преподавания на юридическом факультете Имп. Санкт-Петербургского университета на [1901-1902, 1902-1903, 1903-1904] на учебный год. СПб., [1901-1904]; Обозрение преподавания наук в Имп. Санкт-Петербургском [Петроградском] университете на [1904-1905, 1905-1906, 1906-1907, 1907-1908, 1908-1909, 1909-1910, 1910-1911, 1911-1912, 1912-1913, 1915-1916] учебный год. СПб. [Пг.], [1904-1912, 1915]; Обозрение преподавания наук в Имп. Санкт-Петербургском университете за 1883-1884 академический год. СПб., 1883; Обозрение преподавания наук в Имп. Санкт-Петербургском университете на второе полугодие 1885-1886 учебного года. СПб., 1885; Обозрение преподавания наук в Имп. Санкт-Петербургском университете на первое полугодие 1886-1887 учебного года. СПб., 1886; Обозрение преподавания наук в Имп. Санкт-Петербургском университете на осеннее полугодие [1887-1889] учебного года. СПб., [1887-1889]; Обозрение преподавания наук в Имп. Санкт-Петербургском университете на весеннее полугодие [1888-1890] года. СПб., [1888-1890]; Обозрение преподавания наук в Имп. Санкт-Петербургском университете на осеннее и весеннее полугодия [1890-1900] года. СПб., [1890-1899]; Обозрение преподавания наук на историко-филологическом факультете Имп. Санкт-Петербургского [Петроградского] университета в осеннем полугодии [1901, 1904, 1915-1917, 1918] года. СПб. [Пг.], [б. г., 1916, 1918]; Обозрение преподавания наук на юридическом факультете Имп. Санкт-Петербургского [Петроградского] университета в осеннем полугодии [1909, 1911-1915, 1918] года и в весеннем полугодии [1910, 1912-1916] года. СПб. [Пг.], [1909, 1911-1915, 1918]; Обозрение преподавания наук по факультету восточных языков в [1900-1901, 1902-1903, 1903-1904, 1905-1906] учебном году. СПб., [б. г., 1902, 1905]; Обозрение преподавания наук по факультету восточных языков Имп. Петроградского университета в осеннем полугодии [1915, 1917, 1918] года и в весеннем полугодии [1916, 1918, 1919] года. Пг., [1915, 1917, 1918]; Отчёты о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского [Петроградского] университета за 1882-1916 гг. СПб. [Пг.]: б. и., 1883-1916.

¹⁶ Материалы, извлечённые из формулярных списков преподавательского корпуса, отложившихся в РГИА (Ф. 733. Оп. 150. Д. 1396 и др.) и ЦГИА СПб (Ф. 14. Оп. 3. Д. 16328 и др.).

Традиционно антитеза Московского и Петербургского университетов рассматривалась отечественными исследователями на примере исторических школ Москвы и Петербурга¹⁷, т.к. именно в данной области научного знания наиболее явно прослеживается их несхожесть. Впервые же проблема “петербургской университетской школы” выдвигается на обсуждение ещё в 90-х гг. XIX в. Одним из первых, кто положил начало дискуссии, продолжающейся уже более века, был представитель московской исторической школы - П. Н. Милюков, посетивший столицу в связи с научной командировкой с целью подготовки диссертационного исследования¹⁸. В Петербурге историк столкнулся с совершенно отличным от московского научным сообществом. Выступив с критикой во многом чуждого ему методологического подхода петербургских исследователей, П. Н.

¹⁷ См.: Ананьич Б. В. “Петербургская историческая школа” // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996; Ананьич Б. В., Панеях В. М. О петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история. 2000. № 5. С. 105-113; Брачев В. С. “Наша университетская школа русских историков” и её судьба. СПб., 2001; Бычков С. П., Корзун В. П. Введение в историографию отечественной истории XX века. Омск, 2001; Корзун В. П. Московская и петербургская школы русских историков в письмах П. Н. Милюкова С. Ф. Платонову // Отечественная история 1999. № 2. С. 171-182; Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт “русской исторической школы”. Казань, 2000; Мягков Г. П. “Русская историческая школа”: Методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988; Погодин С. Н. “Русская школа” историков: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский. СПб., 1997; Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004; Ростовцев Е. А. Дискурс “петербургской исторической школы” в научной литературе // Фигуры истории, или “общие места” историографии. Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. СПб., 2005. С. 303-341; Тихонов В. В. Московская и петербургская школы “русских историков” в контексте дихотомии “Москва-Петербург” (конец XIX – начало XX в.) // Люди и тексты. Исторический альманах. 2012. М., 2013. С. 344-378; Цамутали А. Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986; Чирков С. В. Археография и школы в русской исторической науке XIX – начала XX века // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990. С. 19-27; Шаханов А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX - начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003.

¹⁸ Милюков П. Н. Воспоминания (1859-1917). М., 1990. С. 160-161.

Милюков отмечал и ставил в “вину школе”¹⁹ многие из перечисленных выше её особенностей. Высказанные историком замечания основывались на представлении о чрезмерном внимании его столичных коллег к источниковой базе, что препятствовало в глазах учёного полноценному историческому исследованию.

При всей относительности сделанных П. Н. Милюковым выводов невозможно игнорировать сам факт наличия на тот момент объективных расхождений между указанными историческими школами, а также то, что данная проблема получила широкий резонанс среди современников происходящих в российской науке явлений. Именно на рубеже XIX-XX вв. можно наблюдать распространение в научной среде представлений о “схолярности”: университеты начинают открыто противопоставляться друг другу, а отстаиваемые ими теоретические и методологические подходы всё чаще воспринимаются как “черты” школ.

Высказанное П. Н. Милюковым мнение вскоре стало предметом рассмотрения уже петербургских исследователей. В частности, данная проблема нашла своё отражение в творчестве А. Е. Преснякова, осветившим её с диаметрально противоположных позиций. В этом отношении остаётся показательной речь историка, оглашённая им перед защитой докторской диссертации²⁰, где отстаивается мысль о несостоятельности избранного московскими исследователями подхода ввиду излишнего его “социологизма”, толкованием источникового материала исходя из выдвинутой гипотезы, что неизбежно влечёт за собой искажение его содержания. Учёный подчёркивал: “научный реализм требует, чтобы вопросы ставились в зависимости от свойств изученного материала, а не навязывали ему того, чего он <...> дать

¹⁹ Милюков П. Н. Рец.: Середонин С. М. Сочинение Джильса Флетчера “Of the russe common wealth” как исторический источник. СПб., 1891 // Русская мысль. 1892. № 2. Библиографический отдел. С. 66.

²⁰ См.: Пресняков А. Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием “Образование великорусского государства”. Пг., 1920.

не может, по основному своему характеру”²¹. Что немаловажно, свою позицию А. Е. Пресняков объяснял, прежде всего, своей принадлежностью к “Петроградской”, как он сам её именовал, школе историков. Аналогичную позицию учёного можно наблюдать и в более поздних его трудах 20-х гг. XX в., однако со временем А. Е. Пресняков становится склонен проводить грань между московской и историко-юридической школой²².

Изучение феномена петербургской исторической школы оказалось особенно затруднено в 1920-х гг. в силу жёсткого идеологического контроля со стороны советской власти, а также завоевания господствующего положения школой М. Н. Покровского. Тяжелейшим ударом для представителей дореволюционной науки стало сфабрикованное “Академическое дело”. В результате с рубежа 1920-1930-х гг. обсуждение данной проблематики фактически оказывается под запретом.

Лишь в начале 1940-х исследователями предпринимаются новые попытки обращения к истории петербургской школы. В своём фундаментальном историографическом труде Н. Л. Рубинштейн вновь вводит в научный оборот термин “школа”, ассоциируя его, в то же время, лишь с более монолитным в идейном отношении московским университетским сообществом²³. Внутренняя теоретико-методологическая противоречивость петербургского университетского сообщества (“под двойным воздействием сложилось историческое мировоззрение С. Ф. Платонова, который <...> выделяет значение влияния Ключевского. Струя буржуазного экономизма, шедшая от Ключевского, находила поддержку в Петербургском университете в лице А. С. Лаппо-Данилевского <...> Наряду с этим основная тенденция государственной школы дополнялась сильным влиянием историко-юридической”²⁴) послужила основанием отказаться от прежде принятого

²¹ Там же. С. 5.

²² Пресняков А. Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 73.

²³ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941. С. 497-509.

²⁴ Там же. С. 502.

восприятия его в качестве самостоятельной школы. Подобного видения феномена петербургской университетской школы придерживался и Г. В. Вернадский, отмечавший преобладающее влияние главы московской школы на развитие исторической науки в Петербурге²⁵.

Новую веху в истории исследования петербургской школы ознаменовали мемуары П. Н. Милюкова, написанные им за рубежом и вышедшие в свет в том же десятилетии. Историк, как и прежде, основывался на своих личных впечатлениях, которые произвела на него поездка в Петербург в конце XIX в. По-прежнему отмечая, что “в Петербурге вообще доживала точка зрения, установленная ещё Шлёцером: русскую историю нельзя писать, не изучив предварительно критически её источники”, на этот раз учёный обращает внимание также на влияние, оказываемое со стороны московской исторической школы на петербургских учёных, что отразилось на позициях молодых её представителей (например, А. С. Лаппо-Данилевского и А. Е. Преснякова)²⁶.

В конце 1940-х гг. публикуется известный текст профессора Ленинградского университета С. Н. Валка, детально проанализировавшего как состояние петербургской университетской школы рубежа XIX-XX вв., так и долгий процесс её становления с первой половины XIX вплоть до середины XX в.²⁷ Так, факт основания школы учёный связывал со временем творчества М. С. Куторги, а период наивысшего её расцвета с А. Е. Пресняковым. Особо отмечая, что “роль и значение А. С. Лаппо-Данилевского выходили за пределы читаемых им курсов”²⁸, С. Н. Валк, таким образом, утверждал, что наследие историка, несмотря на его обособленность в петербургском

²⁵ Вернадский Г. В. Русская историография. М., 1998. С. 237-259.

²⁶ Милюков П. Н. Воспоминания (1859-1917). М., 1990. С. 161.

²⁷ См.: Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 7-100.

²⁸ Там же. С. 59.

университетском сообществе, оказывало прямое воздействие на облик школы в целом.

Видение петербургской школы, предложенное С. Н. Валком, вскоре подверглось коренному переосмыслению советскими историками. Определённое влияние при этом оказал внешний фактор, т.к. именно в конце 1940-х – начале 1950-х происходит усиление идеологического контроля на фоне развернувшейся борьбы с любыми проявлениями инакомыслия. В частности, Л. В. Черепнин, подверг критике творчество С. Н. Валка, считая недопустимой концепцию преемственности между буржуазной и советской исторической наукой. Принявший толкование университетского сообщества Петербурга на рубеже XIX-XX вв. в качестве научной школы, учёный в то же время иначе трактовал её основные черты. В отсутствии единой методологии, постоянных теоретико-методологических поисках её представителей и обусловленной этим их разобщённостью учёный усматривал проявление кризисного состояния российской науки указанного периода²⁹. Понятие “школы”, таким образом, теряло привычное для конца XIX – первой половины XX вв. значение.

Лишь в середине 1980-х гг. проблематика петербургской исторической школы вновь приобретает привычную форму. Более того, данный феномен начинает анализироваться в контексте взаимоотношений университетских школ в целях лучшего понимания их специфики. Используя в качестве основы для изучения школ свидетельства виднейших их представителей, А. Н. Цамутали приходит к выводу о преувеличенном и во многом необоснованном характере антитезы Московского и Петербургского университетов. Также наиболее объективным кажется признание факта влияния московской школы на петербургскую, но в ограниченных

²⁹ См.: Черепнин Л. В. А. С. Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед // Вопросы истории. 1949. № 8. С. 30-51.

масштабах, т.к. последняя как до, так и после этого продолжала сохранять свою неповторимую специфику³⁰.

Приведённая тенденция сохраняется вплоть до последнего десятилетия XX в. В историографии растёт интерес к изучению школ в контексте их взаимодействия в рассматриваемый период. Ученик С. О. Шмидта и С. Н. Валка, С. В. Чирков рассмотрел историю петербургской школы, акцентируя внимание на возглавляемом А. С. Лаппо-Данилевским направлении, в соотношении её с московским университетским сообществом. Продолжая заложенную ранее историографическую традицию, С. В. Чирков подчёркивал существование школы внутри школы, в равной степени отличной как от московской, так и петербургской в лице С. Ф. Платонова³¹. Таким образом учёным противопоставлялось так называемое “эмпирическое” и “теоретическое” её направления. Творчество С. В. Чиркова отразило общую для отечественной историографии тенденцию к возвращению анализа феномена петербургской исторической школы в рамки теории и методологии истории.

По преимуществу в указанном направлении развивались исследования 1990-х гг., комплексно рассматривающие феномен петербургской школы с позиций истории её формирования и теоретико-методологических особенностей концептуальной её составляющей. В частности, Б. В. Ананьич, характеризуя особенности петербургской школы, поддерживает изложенное ранее мнение А. Е. Преснякова о, прежде всего, источниковедческой направленности школы, что коренным образом отличало её от московских исследователей, отвергавших подход свои коллег “от источника”³². Фактическую критику традиций, заложенных школой В. О. Ключевского,

³⁰ Цамутали А. Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986. С. 82.

³¹ Чирков С. В. Археография и школы в русской исторической науке XIX – начала XX века // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990. С. 23-24.

³² См.: Ананьич Б. В. “Петербургская историческая школа” // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996. С. 670-675.

можно также наблюдать в совместном творчестве Б. В. Ананьича и В. М. Панеяха: развивая позицию, выраженную ещё дореволюционными петербургскими исследователями, учёные соотносят традиции школ в форме их антитезы³³. Более того, особенности московской школы, по мнению исследователей, предопределили последующее её сближение с М. Н. Покровским, заложившим начала школы, которая, в отличие от традиций петербургской университетской школы, базировалась не на изучении источниковой базы, а “на заранее заданной схеме”³⁴. Результатом данного процесса стал отказ от того теоретико-методологического разнообразия, которым характеризовалась петербургская школа рубежа XIX-XX вв., в пользу марксистского подхода, отвергнувшего богатое наследие дореволюционной исторической науки. Подобная интерпретация антитезы петербургской и московской исторических школ оказалась преобладающей в отечественной историографии последних лет XX в.

Очередная попытка переосмысления данного феномена была предпринята Т. Н. Жуковской. Переосмысливая термин “школа”, историк указывает на целесообразность его использования в случае существования общности методологии, на основании чего и может быть установлено единство представителей научного сообщества³⁵. Исследователем также затрагивается тема уникальности петербургской школы, обусловленной отчасти самой атмосферой Петербурга, допускающей и приветствующей открытость научному опыту Запада, определённое инакомыслие, в том числе и в научной среде, что нашло своё отражение в существовании нескольких научных направлений внутри школы, отчасти общим для обеих школ духом

³³ Ананьич Б. В., Панеях В. М. О петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история. 2000. № 5. С. 106-107.

³⁴ Там же. С. 110.

³⁵ См.: Жуковская Т. Н. Некоторые размышления о “петербургской школе” // Третьи мартовские чтения памяти С. Б. Окуня: Материалы научной конференции. СПб., 1997. С. 8-14.

схоларности, распространённым в отечественной науке конца XIX – начала XX вв.³⁶.

В ряду современных исследователей феномена петербургской исторической школы стоит отметить В. С. Брачева. Акцентируя внимание на роли С. Ф. Платонова в столичной университетской корпорации, учёный приходит к выводу о существовании “школы Платонова”³⁷, объединявшей в себе учеников К. Н. Бестужева-Рюмина и являвшейся восприемницей заложенных им принципов научно-исследовательской деятельности. В качестве обоснования применения к петербургскому сообществу историков термина “школа” В. С. Брачев отмечает единство используемой его представителями методологии исследования, а также немалую зависимость учеников С. Ф. Платонова от идей своего наставника³⁸. Другой отличительной особенностью петербургских историков В. С. Брачев считает их ярко выраженный патриотизм, особенно проявивший себя при разгроме школы в 1929-1931 гг., считая данный критерий не менее важным при определении специфики школы³⁹.

С. Н. Погодин в своей работе ограничивается освещением существующих в отечественной историографии мнений касательно данного вопроса⁴⁰. Выделяя основные критерии школы как феномена отечественной науки рубежа XIX-XX вв., автор избегает поддерживать какую-либо из указанных выше позиций по отношению к данному явлению, считая его недостаточно исследованным.

³⁶ Там же. С. 10.

³⁷ Брачев В. С. Русский историк Сергей Фёдорович Платонов: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1996. С. 14.

³⁸ Брачев В. С. “Наша университетская школа русских историков” и её судьба. СПб., 2001. С. 240.

³⁹ Там же. С. 9.

⁴⁰ См.: Погодин С. Н. “Русская школа” историков: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский. СПб., 1997.

Феномен петербургской исторической школы нашёл отражение в творчестве В. П. Корзун, пришедшей к выводу о тесном взаимовлиянии университетских школ Москвы и Петербурга в конце XIX – начале XX вв. Исследователь также отмечает внутреннее деление петербургской школы на несколько самостоятельных направлений – учебную школу С. Ф. Платонова и академическую школу А. С. Лаппо-Данилевского⁴¹ (а также существование не только эмпирического, но и “социологического” течений внутри школы⁴²), однако, подвергая критике позицию, согласно которой эти течения сближались лишь в контексте их противостояния с московской университетской корпорацией⁴³.

Помимо трудов монографического характера, освещающих историю петербургской университетской школы рубежа XIX-XX вв., заслуживает внимания учебное пособие по историографии В. П. Корзун и С. П. Бычкова⁴⁴, содержимое которого структурировано по методологическому принципу, а именно - по отдельным школам и направлениям в исторической науке. Результатом анализа истории петербургской исторической школы в конце XIX – начале XX вв., а также историографии по данной теме, становится вывод о её внутренней дифференцированности, что, в свою очередь, вызвало многочисленные разногласия среди исследователей по поводу существования внутри неё отдельных течений⁴⁵. Так, авторы, подвергая анализу теоретико-методологические концепции лидеров указанных направлений (учебного и академического), отмечают различную интерпретацию ими исторического источника. Объяснением этому может служить несовпадение избранных С. Ф. Платоновым и А. С. Лаппо-Данилевским в качестве руководящих в своей

⁴¹ Корзун В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX-XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург-Омск, 2000. С. 70.

⁴² Там же. С. 85.

⁴³ Там же. С. 60-61.

⁴⁴ См.: Бычков С. П., Корзун В. П. Введение в историографию отечественной истории XX века. Омск, 2001.

⁴⁵ Там же. С. 218.

исследовательской деятельности философских учений – позитивистского и неокантианского соответственно⁴⁶.

На современном этапе исследование истории петербургской школы активно развивается Е. А. Ростовцевым. В своих работах⁴⁷ исследователь стремится составить комплексное представление о петербургской университетской школе посредством всестороннего изучения данного феномена, делая акцент на освещении её методологической специфики. Учёный пересматривает изложенную ранее концепцию Б. В. Ананьича и В. М. Панеяха, утверждая, что оставленные П. Н. Милюковым и А. Е. Пресняковым наблюдения о характерных чертах московской и петербургской исторических школ “рассматривают разные свойства историографических феноменов и не могут быть привлечены в качестве оснований для оценки одного и того же явления – “петербургской школы” <...> [и] во всяком случае, такая постановка вопроса невозможна без оговорки об эволюции школы, со специальным исследовательским пояснением в отношении механизма и этапов данного процесса”⁴⁸. Также Е. А. Ростовцевым был проанализирован историографический контекст, в котором формировалось понятие “петербургской школы”⁴⁹. В статье “Методология истории петербургской исторической школы” исследователь попытался осветить

⁴⁶ Там же. С. 149-151.

⁴⁷ См.: Ростовцев Е. А.: 1) А. С. Лаппо-Данилевский в петербургской университетской корпорации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 3. С. 29-44; 2) А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004; 3) Дискурс “петербургской исторической школы” в научной литературе // Фигуры истории, или “общие места” историографии. Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. СПб., 2005. С. 303-341; 4) Методология истории петербургской исторической школы // Петербургские чтения 98-99. СПб., 1999. С. 412-415; 5) Термин “Петербургская историческая школа” в историографических источниках // Петербургские чтения 98-99. СПб., 1999. С. 415-418.

⁴⁸ Ростовцев Е. А. Дискурс “петербургской исторической школы” в научной литературе // Фигуры истории, или “общие места” историографии. Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. СПб., 2005. С. 332.

⁴⁹ См.: Ростовцев Е. А. Термин “Петербургская историческая школа” в историографических источниках // Петербургские чтения 98-99. СПб., 1999. С. 415-418.

методологическую специфику петербургской исторической школы в конце XIX – начале XX вв., в результате чего стало возможным выделить несколько этапов в процессе её развития и сделать заключение о становлении в последние годы XIX в. нескольких направлений внутри петербургской школы (эмпирического во главе с С. Ф. Платоновым и теоретического, возглавляемого А. С. Лаппо-Данилевским⁵⁰). Данная мысль находит своё развитие и в более поздней работе Е. А. Ростовцева, посвящённой творчеству А. С. Лаппо-Данилевского, где также отстаивается идея о существовании уникальной методологической традиции, лежащей в основании петербургской исторической школы⁵¹.

Таким образом, можно заключить, что феномен петербургской школы в отечественной историографии имеет весьма противоречивый характер. Данное обстоятельство обуславливалось как различной трактовкой учёными самого термина “школа”, так и несовпадением целей их исследований. Обращение учёных к указанной проблематике вызывалось разными причинами - от демонстрации личной принадлежности к данному направлению историографии до стремления сформировать представление о российской исторической науке в целом, что становится особенно актуальным на современном этапе развития отечественной историографии. Наиболее объективным при этом представляется анализ теоретико-методологической специфики университетских школ в России, отражающей их характерные особенности.

Научная новизна данной работы заключается в том, что впервые в отечественной историографии производится попытка комплексного осмысления феномена петербургской университетской школы с точки зрения фокусного рассмотрения теоретико-методологических и философско-исторических работ её представителей. Кроме того, впервые тема “кризиса”

⁵⁰ См.: Ростовцев Е. А. Методология истории петербургской исторической школы // Петербургские чтения 98-99. СПб., 1999. С. 412-415.

⁵¹ Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 45-48.

русской историографии на рубеже XIX-XX вв. связывается со сшларной проблематикой.

Структура работы определяется задачами данного исследования. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы.

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются объект и предмет исследования, указываются хронологические рамки, формулируются цели и задачи, структура работы.

В первой главе производится анализ истории формирования представлений о “кризисе” отечественной науки на рубеже XIX-XX вв., а также рассматривается его оценка и трактовка в отечественной историографии.

Во второй главе предпринимается попытка исследовать историсофские и теоретико-методологические особенности петербургской университетской школы в указанный период на примере творчества её представителей в рамках трёх разных гуманитарных факультетов и оценивается влияние указанного “кризиса” на трансформацию научных концепций петербургских учёных.

В заключении формулируются основные выводы и наблюдения в отношении рассматриваемой проблемы.

Глава I. “Кризис” русской историографии

Современный этап развития отечественной историографии характеризуется устойчивым ростом интереса исследователей к проблеме так называемого “кризиса” исторической науки в России на рубеже XIX-XX вв. Данная тенденция во многом обуславливается происходящими в русской историографии постсоветского времени процессами поиска новых теоретико-

методологических ориентиров, являющимися следствием отказа от прежнего, основанного на марксистской концепции научного подхода. Обращение к истории во многом схожего периода развития научного знания отражает стремление современных учёных найти решение обозначившейся в конце XX в. проблемы теоретико-методологических поисков, т.к. значительное количество выдвинутых наукой в конце XIX – начале XX в. вопросов остаются актуальными до сих пор.

Следует оговориться, что термин “кризис”, используемый в данном исследовании для обозначения состояния как российской историографии на рубеже XIX-XX вв., так и отечественной науки данного периода в целом, неизменно употребляется в кавычках с целью подчеркнуть неоднозначное, отличное от традиционного его значение, которое выходит за рамки исключительно негативного его толкования.

Сам же вопрос “кризиса” становится предметом широкого обсуждения гораздо ранее рубежа XX-XXI вв. Интерес к данному явлению был проявлен ещё его современниками. При этом, в целом, в российской гуманитарной и исторической науке рубежа XIX-XX вв. можно наблюдать оптимизм относительно перспектив развития теоретического и методологического знания. Подобное отношение проистекало от представителей различных направлений научного знания – правоведов, философов, историков и пр. В частности, ими отстаивалось мнение, согласно которому происходящая смена философских парадигм возвращает научное знание в надлежащие рамки, а также оставляет в прошлом предвзятое толкование исторического процесса⁵².

Последующее осмысление “кризиса” постепенно видоизменялось. Так, под влиянием революционных событий 1905-1907 гг. его трактовка русскими философами принимает более негативный оттенок⁵³. Именно в это время определение процессов, происходивших в российской науке в конце XIX –

⁵² См.: Проблемы идеализма: сб. статей. Ред. Новгородцев П. И. М., 1902.

⁵³ Нечухрин А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. - 1917 г.). Гродно, 2003. С. 92.

начале XX вв., в наилучшей степени соответствует привычному определению кризиса: активно приводятся ассоциации его с полной потерей исследовательских ориентиров, общим разочарованием в философском знании. В глазах научного сообщества “кризис” начинает выглядеть всеохватывающим, выходящим за пределы научной среды, т.е. он рассматривается как кризис мировоззрения⁵⁴. Более того, обращение к эпистемологии как к средству, с помощью которого может быть достигнуто его разрешение и преодоление, кажется заведомо неверным, т.к. подобный подход к проблеме приводит лишь к её эскалации и усугублению наблюдавшейся в это время апатии.

Иначе теоретико-методологические и историософские поиски в российском академическом сообществе рубежа веков интерпретировались представителями отечественной исторической науки. Так, ещё современниками наблюдавшегося “кризиса” выделялся целый комплекс причин, предопределивших особое внимание исследователей к проблемам философии, теории и методологии истории⁵⁵: во-первых, сказывалась растущая в России популярность идей Баденской школы неокантианства; во-вторых, параллельно наблюдалось усиливавшееся влияние марксизма. Данные процессы протекали на фоне разочарования в свойственной позитивизму идее прогресса, т.к. бурно развивавшееся в это время научно-техническое развитие не соответствовало в глазах мировой общественности понятию “прогресса” ввиду того, что в погоне за общественным благополучием игнорировались потребности отдельной личности⁵⁶. В результате можно было наблюдать столкновение идеализма и материализма как теоретико-методологических ориентиров в процессе познания истории и закономерностей, историческим процессом управляющими.

⁵⁴ Рамазанов С. П. Кризис в российской историографии начала XX века: В 2 ч. Волгоград, 1999. Ч. 1. Постановка и попытка решения проблемы. С. 8.

⁵⁵ Хвостов М. М. К вопросу о задачах истории // Сборник статей, посвящённых Василию Осиповичу Ключевскому. Ч. 2. М., 1909. С. 795.

⁵⁶ Виппер Р. Ю. Очерки теории исторического познания. М., 1911. С. 12.

Тем не менее, в предреволюционный период в научной среде оставалась надежда на преодоление “кризисного” состояния, в котором оказалась отечественная наука, посредством обращения к эпистемологии и наиболее современным на тот момент достижениям немецкой философской мысли. В таком состоянии оказалась российская наука перед революционными событиями 1917 г., обозначившими собой новую веху в истории изучения рассматриваемой проблемы.

Вскоре после событий октября 1917 г. можно наблюдать новые попытки толкования теоретико-методологических поисков российских учёных в конце XIX – начале XX вв. Кардинально меняются представления о вызвавших их к жизни факторах: взгляд на эпистемологическую составляющую как на первостепенный фактор в развитии данной проблемы сменяется видением причин “кризиса” в сфере изменившихся внешних обстоятельств. Само же понятие “кризиса” всё чаще связывается с отказом от позитивистского учения в пользу неокантианства⁵⁷. В методологическом отношении данное обстоятельство означало переориентацию внимания исследователя на изучение отдельных фактов (в противовес исследованию явлений), исторической роли конкретного индивидуума (в отличие от позитивистской установки на изучение крупных социальных групп).

Безусловно, произошедший в России слом старого режима и последовавший за ним острый социокультурный кризис явился непосредственной причиной аналогичного кризиса в мировоззрении российских учёных. О масштабах его можно судить на примере того обстоятельства, что именно второе десятилетие XX в. ассоциировалось в общественном сознании с окончательным отказом от привычных для предшествующего столетия форм и способов научного мышления.

Столкновение с новыми идеями, выдвигавшимися на рассмотрение самой действительностью, сопровождалось разрывом с прежними теоретическими и методологическими установками, поскольку осмысление

⁵⁷ Виппер Р. Ю. Кризис исторической науки. Казань, 1921. С. 13.

назревших проблем оказалось невозможным в рамках существовавшей ранее традиции. Происходит усложнение исторического и историософского мышления учёных, наблюдается его большая открытость, т.к. поиск путей выхода из сложившегося кризисного положения требовал привлечения самых разнообразных по своему содержанию концепций⁵⁸. Так, всё чаще акцентируется внимание на воздействии внешних условий на развитие научного знания, предпринимаются попытки оценки роли наблюдаемых в экономике и политике процессов в теоретико-методологических поисках в рамках университетских сообществ.

Осмысление воздействия указанных факторов на практике приводило к серьёзным разногласиям в академической среде. Отсутствие единого мнения в оценке причин указанного “кризиса” в отечественной науке вполне закономерным следствием имело расхождение мнений учёных о способах его преодоления. Условно исследователей можно разделить на тех, кто поддержал революцию и её воздействие на развитие историософского и теоретико-методологического знания, и тех, чьё отношение к новой действительности оказалось крайне негативным. Первые традиционно выступали в поддержку рационализма как основы методологического подхода в целом, что подразумевало всестороннее переосмысление прежних научных схем. Вторые же всё более явно начинали примыкать к позициям представителей философского знания, которые и ранее, ещё в довоенные годы, были склонны видеть разрешение сложившейся проблемы с диаметрально противоположных позиций. Становившийся очевидным не только мировоззренческий, пронизывающий общество в целом, но и масштабный социокультурный кризис имел своим следствием общее разочарование в рационалистических принципах⁵⁹.

⁵⁸ Рамазанов С. П. Кризис в российской историографии начала XX века: В 2 ч. Волгоград, 1999. Ч. 1. Постановка и попытка решения проблемы. С. 10.

⁵⁹ См.: Карсавин Л. П. Введение в историю. (Теория истории). Пг., 1920.

Одним из первых проблематику “кризиса” обозначил профессор Московского университета Роберт Юрьевич Виппер (1859-1954). Известного своими исследованиями по истории античности учёного интересовали также историософские и теоретико-методологические вопросы исторического познания. В своих трудах Р. Ю. Виппер дистанцируется от традиционных для отечественной науки предшествующего периода констант, совершенно по-новому осмысливая проблему пути исторического развития.

Особый взгляд историка на происходящие в отечественной историографии изменения нашёл своё отражение в его труде “Кризис исторической науки” (1921). Лейтмотивом данной работы стала мысль о наметившемся упадке господствовавшей ранее историософской традиции⁶⁰. Позитивизм стал рассматриваться как устаревшая, исчерпавшая себя форма исторического познания. Р. Ю. Виппер замечает: “есть ли у нас прежняя вера во всеобщий прогресс человечества, видим ли мы в нём выражение высшего закона исторической жизни <...> кажется, огромное большинство поколеблется ответить утвердительно”⁶¹. И хотя учёные оставались “вполне ещё подчинены “реализму” позитивной науки”, действовали “по её традициям”⁶², в российской исторической науке стали всё острее вставать вопросы теории познания. Разочарование это лишь усиливалось на фоне нараставшей социальной напряжённости конца XIX и особенно начала XX века⁶³. Следствием данного “кризиса” стало радикальное переосмысление самой роли учёного в процессе исследования⁶⁴.

⁶⁰ Нечухрин А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. - 1917 г.). Гродно, 2003. С. 119.

⁶¹ Виппер Р. Ю. Кризис исторической науки. Казань, 1921. С. 17.

⁶² Виппер Р. Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания // Вопросы философии и психологии. М., 1900. Кн. III (53). С. 452.

⁶³ Леонтьева О. Б. Кризис в российской исторической науке рубежа XIX-XX вв. в понимании современной историографии // Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 3. С. 68.

⁶⁴ Виппер Р. Ю. Кризис исторической науки. Казань, 1921. С. 13.

В то же время происходивший в российской научной среде процесс Р. Ю. Виппер не отождествлял с застоём или регрессом, в большей степени воспринимая его как очередной и очень значимый этап в развитии научной мысли. По большей степени данные изменения обуславливались происходившими в конце XIX столетия трансформациями в европейской философской мысли. Понятие же “кризиса” переносилось исключительно на теоретический и методологический аспекты исследовательской деятельности. Причём оценивался “кризис” весьма положительно⁶⁵: разочарование в позитивизме, ранее господствовавшим в научной среде, сопровождалось отказом от присущей ему схоластики, догматики и метафизики⁶⁶. Обращение же к новым философским течениям позволяло создать качественно новую теоретическую основу исторического познания.

В последующем данный феномен стал объектом изучения советской историографии⁶⁷. Последователями исторического материализма было использовано представление исследователей старой школы о кризисном состоянии науки конца XIX – начала XX вв. в качестве объяснения гибельности следования по пути идеализма. Иными словами, “кризис” в трудах советских учёных ассоциировался, во-первых, исключительно с состоянием дореволюционной науки, а во-вторых, - с ложным направлением избранного ею развития, недостаточной методологической цельностью⁶⁸, что и привело к известному мировоззренческому надлому в академической среде⁶⁹.

⁶⁵ Рамазанов С. П. Кризис в российской историографии начала XX века: В 2 ч. Волгоград, 1999. Ч. 1. Постановка и попытка решения проблемы. С. 6.

⁶⁶ Там же. С. 7.

⁶⁷ Леонтьева О. Б. Кризис в российской исторической науке рубежа XIX-XX вв. в понимании современной историографии // Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 3. С. 69.

⁶⁸ Черепнин Л. В. Кризис буржуазной исторической науки в период империализма // Очерки истории исторической науки в СССР: в 3 т. М., 1963. Т. 3. С. 240.

⁶⁹ Рамазанов С. П. Кризис в российской историографии начала XX века: В 2 ч. Волгоград, 1999. Ч. 1. Постановка и попытка решения проблемы. С. 11.

Более определённая трактовка понятия “кризиса”, а также вызвавших его причин, позволила более отчётливо очертить границы его истории. Т.к. качественно новое состояние российской науки рубежа веков связывалось советскими историками с её ориентированием на идеализм неокантианской философии, то и зарождение указанного “кризиса” следует относить к концу XIX в, когда становится возможным проследить первые признаки влияния Фрайбургской школы на взгляды отечественных исследователей⁷⁰. Основными этапами в истории самого “кризиса” историки-марксисты выделяли революционные события 1905-1907 гг., ставшие первым серьёзным ударом по мировоззрению русской интеллигенции, оттолкнувшие её от социалистических лозунгов и обусловившие её поворот к религиозной философии, и потрясения 1917 года, окончательно поставившие либерально настроенное учёное сообщество в оппозицию новому режиму и, как следствие, обозначившие вступление наблюдавшегося мировоззренческого кризиса в завершающую стадию.

Естественно, подобный взгляд на происходившие в конце XIX – начале XX вв. процессы в российском академическом сообществе оказался чрезвычайно идеологизированным и был не в состоянии объективно истолковать сущность сложившейся проблематики. Марксистская историография весьма односторонне толковала понятие “кризиса” науки дореволюционного периода, оценивая его как абсолютно негативный, регрессивный процесс и упуская важные детали данного явления, без учёта которых невозможно составить истинное представление о нём. Объявление марксистско-ленинской концепции истории единственно верной лишь усугубляло положение, события же 1930-х гг., связанные с ужесточением

⁷⁰ Покровский М. Н. Профессор Р. Виппер о кризисе исторической науки // Под знаменем марксизма. 1922. № 3. С. 33.

сталинского режима, и вовсе не оставляли пространства для дискуссий, связанные с поднятой проблемой, вплоть до 1950-х гг.⁷¹.

“Оттепель” в общественной жизни СССР позволила вновь, хотя и в весьма ограниченном масштабе, вернуться к исследованию кризисного состояния отечественной науки конца XIX – начала XX вв. Не считая возможным выйти за рамки, очерченные марксистской идеологией ещё в 1920-1930-е гг., отечественные учёные, тем не менее, пытались по возможности осветить данный вопрос с иных, более научных позиций. В частности, несмотря на ставшую традиционной оценку кризиса российской науки рубежа веков как отражение упадка либеральной идеологии в целом, её тяготения к всё большей реакционности, преподносилась, прежде всего, его теоретико-методологическая сторона⁷².

Однако по-настоящему поворотным моментом в истории развития поставленного ещё до революции вопроса стали 60-е гг. XX в. Параллельно сугубо марксистскому толкованию российской науки рубежа XIX-XX вв. и процессов, в ней происходивших (усиление реакционности, критика формационного подхода к истории и пр.), предпринимается попытка изучения “кризиса” российской науки с новых позиций. Одним из первых это удалось М. А. Алпатову⁷³. В своём исследовании историк пришёл к выводу, что в методическом творчестве дореволюционных учёных имелось прогрессивное начало⁷⁴. Аргументируя свою позицию, М. А. Алпатов

⁷¹ См.: Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов (Историографические очерки, критические статьи и заметки). М.; Л. 1933. Вып. I. 327 с.; Вып. II. 450 с.; Рубинштейн Н. Л. Классовая борьба на историческом фронте. Иваново-Вознесенск, 1931. С. 54.

⁷² Нечухрин А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. - 1917 г.). Гродно, 2003. С. 4.

⁷³ Рамазанов С. П. Кризис в российской историографии начала XX века: В 2 ч. Волгоград, 1999. Ч. 1. Постановка и попытка решения проблемы. С. 15.

⁷⁴ См.: Алпатов М. А. Кризис русской буржуазной медиевистики в начале XX века // Проблемы историографии: Тезисы и рефераты докладов и сообщений на межвузовской конференции. Воронеж, 1960. С. 23-26.

указывает на конкретные достоинства буржуазной науки, как то: активная археографическая и источниковедческая деятельность, развитие теоретико-методологических аспектов исследовательской деятельности и пр.⁷⁵. Ввиду этого представляется возможным утверждать, что “кризис” рубежа XIX-XX столетий перестал рассматриваться как агония буржуазной науки. Более того, впервые в советской историографии выдвигается идея преемственности (пусть и крайне ограниченной) между буржуазной и советской наукой, а вместе с тем вновь актуализируется проблематика “кризиса” науки.

Новые веяния в научном знании нашли своё развитие в фундаментальном историографическом труде - “Очерках истории исторической науки в СССР”, где тема “кризиса” освещалась с позиций, объединявших ранее высказанные предположения как о преобладании методологической составляющей “кризиса”, так и обусловленности его поворотом буржуазной науки от материализма к идеалистической философии⁷⁶. Иными словами, данная проблема вновь стала характеризоваться как двойственная, что оказалось большим достижением отечественной историографии после долгого периода полного её запрета.

Постепенно проблематика “кризиса” становится объектом изучения теоретико-методологического направления советской историографии, что подразумевало и более серьёзный анализ поставленного вопроса⁷⁷. В 1970-х гг. исследователи отмечают двойственную природу происходивших на рубеже XIX-XX вв. изменений и в данной области исторического знания. В частности, подобные высказывания имели место на посвящённой проблемам развития буржуазной историографии Всесоюзной историографической

⁷⁵ Там же. С. 26.

⁷⁶ Черепнин Л. В. Кризис буржуазной исторической науки в период империализма // Очерки истории исторической науки в СССР: в 3 т. М., 1963. Т. 3. С. 268.

⁷⁷ Леонтьева О. Б. Кризис в российской исторической науке рубежа XIX-XX вв. в понимании современной историографии // Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 3. С. 69.

конференции⁷⁸. Сохранялась прежняя точка зрения на ограниченность достижений дореволюционной науки, которая оказалась не в состоянии сформулировать сколько-нибудь цельную и непротиворечивую теоретическую концепцию, а также эффективно разрешать возникающие перед ней задачи⁷⁹. Тем не менее, бесспорной признавалась важность формирования на основе неокантианства методологии истории в качестве самостоятельного научного направления, последующего расширения диапазона рассматриваемых ею вопросов, распространения эпистемологического подхода в исследовательской деятельности учёных⁸⁰. Таким образом, можно наблюдать отказ от трактовки “кризиса” российской науки как её всестороннего регресса. Согласно данной позиции, происходившие отечественной науке в конце XIX – начале XX вв. процессы в большей степени оказались обусловлены именно её развитием, имевшим, однако, свою оборотную сторону в виде существовавшего среди отечественных учёных состояния неопределённости, явившегося следствием отказа от прежних теоретико-методологических схем на основе позитивистской философии и относительной слабостью новых, ещё не окрепших концепций неокантианского толка, которые всё же приобретали для учёных значение ориентиров в их научной деятельности⁸¹. Так, именно с рубежа 70-80-х гг. XX в. можно наблюдать возвращение к восприятию проблемы “кризиса” дореволюционной науки как противоречивого, одновременно имевшего как положительные, так и отрицательные стороны

⁷⁸ См.: Могильницкий Б. Г. Современный этап кризиса буржуазной исторической науки // Вопросы истории. 1980. № 9. С. 62-67.

⁷⁹ Мягков Г. П. “Русская историческая школа”: Методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988. С. 169.

⁸⁰ Хмылёв Л. Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX в. Томск, 1978. С. 71-72.

⁸¹ Синицын О. В. Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX – начале XX вв. Казань, 1998. С. 5.

процесса. Собственно, понятие “кризиса” связывалось лишь с его методологической стороной.

Тем не менее, установившееся единство мнений в оценке сущности “кризиса” науки в конце XIX – начале XX вв. отнюдь не разрешило проблемы его периодизации. Различная интерпретация его границ обуславливалась отсутствием единства во взглядах на вызвавшие его причины. С точки зрения непосредственной взаимосвязанности “кризиса” в академическом сообществе с ростом реакционности интеллигенции (как реакции на зарождение социалистического движения), его следует датировать 1890-ми годами⁸². Если же аргументировать происходившие в дореволюционной науке изменения как проявление кризиса либерализма в России, то начало их следует отнести к 1905-1907 гг.⁸³. Разное видение причин “кризиса” было обусловлено как попытками объяснения его неоднозначности и уникальности, так и склонностью выйти за пределы его понимания исключительно как кризиса методологии. Именно из стремления выделить в сущности “кризиса” иные составляющие (политическую, концептуальную) следовала неоднозначность оценки истории его формирования и основных этапов в его развитии⁸⁴. В частности, заслуживает внимания выдвигавшееся деление кризиса в соответствии с развитием творчества наиболее характерных для каждого периода представителей науки, что, естественно,

⁸² См.: Алпатов М. А. Кризис русской буржуазной медиевистики в начале XX века // Проблемы историографии: Тезисы и рефераты докладов и сообщений на межвузовской конференции. Воронеж, 1960. С. 23-26.

⁸³ См.: Могильницкий Б. Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов. Томск, 1969; Нечухрин А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. - 1917 г.). Гродно, 2003; Хмылёв Л. Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX в. Томск, 1978.

⁸⁴ Рамазанов С. П. Кризис в российской историографии начала XX века: В 2 ч. Волгоград, 1999. Ч. 1. Постановка и попытка решения проблемы. С. 17.

подразумевало акцент на зависимость развития “кризиса” от его концептуального наполнения⁸⁵.

Другим немаловажным явлением в советской историографии стало взаимное сближение вышеизложенных гипотез о зарождении кризиса, рассматривающих в качестве знакового для его появления либо последнее десятилетие XIX в., либо Первую русскую революцию, т.к. подобная трактовка также выходила за привычные рамки определения “кризиса” как сугубо методологического явления. Происходившие в отечественной науке рубежа XIX-XX вв. процессы в свете нового научного подхода анализировались в контексте социально-политического развития общества. Так, Л. В. Черепнин предложил в качестве основных вех в развитии кризисного состояния дореволюционной науки в России, во-первых, события середины первого десятилетия XX в. как предопределившие первую стадию переосмысления русскими учёными теоретико-методологических основ исследовательской деятельности, характеризовавшуюся их реакционным уклоном; во-вторых, - 1914-1917 года, когда заданная в годы первой революции тенденция многократно возросла⁸⁶.

По-иному данная проблематика была осмыслена с позиций, наиболее близким по своему содержанию к тенденции, имевшей место в советской историографии в 1970-х гг. Прежняя убежденность в “кризисе”, прежде всего, буржуазной методологии теперь позволяла выделить в указанном процессе несколько этапов. Распространённым стало деление, основывающееся на господстве в научной среде сначала позитивистского, а затем неокантианского учений. Согласно иной точке зрения, не менее оправданной является более дробная дифференциация “кризиса”, рассматривающая конец XIX в. как время определения дальнейшего вектора развития ещё только зарождавшегося процесса переосмысления теоретико-

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Черепнин Л. В. Кризис буржуазной исторической науки в период империализма // Очерки истории исторической науки в СССР: в 3 т. М., 1963. Т. 3. С. 243-245.

методологических основ научного знания, период с начала XX в. до конца Первой русской революции в качестве глубокого гносеологического кризиса отечественной науки, время же после 1907 г. - как период, обозначивший окончательное становление в науке новых теоретических схем, главным образом, на основе неокантианской философии⁸⁷.

Спорным оставался и вопрос датировки завершения “кризиса”. Л. Н. Хмылёв подверг критике взгляд на революционные события 1905-1907 гг. как заключительный период его существования, считая, что именно 1917 год разграничил окончившуюся “кризисом” историю дореволюционной науки от времени формирования новой, основывающейся на марксистском учении науки⁸⁸. Согласно иной концепции, отстаивающей существование периода развития “кризиса” после октября 1917 г., неправомерно отождествлять окончание “кризиса” как единовременное событие: данный процесс продолжился и после революционных событий, неся в себе значительный массив традиций дореволюционной научной традиции⁸⁹.

Новую веху в истории исследования феномена “кризиса” положила эпоха перестройки, а затем и демонтаж советской власти. Ослабление идеологического контроля во второй половине 1980-х гг. способствовало коренной перемене в восприятии советскими учёными указанного явления, всё чаще интерпретируемого как “кризис” отечественной науки в целом, в отличие от прежнего его отождествления исключительно с буржуазным периодом её истории. В частности, Б. Г. Могильницкий предложил гипотезу о двойственной природе “кризиса” российской историографии рубежа XIX-XX вв., считая данное явление закономерным и необходимым⁹⁰. Исследователь

⁸⁷ См.: Хмылёв Л. Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX в. Томск, 1978.

⁸⁸ Там же. С. 32-33.

⁸⁹ Рамазанов С. П. Кризис в российской историографии начала XX века: В 2 ч. Волгоград, 1999. Ч. 1. Постановка и попытка решения проблемы. С. 19.

⁹⁰ Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. I: Кризис историзма. Томск, 2001. С. 59.

также был склонен видеть в нём свидетельство развития отечественной науки, принявший подобный характер ввиду радикального переосмысления господствовавших ранее в ней теоретико-методологических схем⁹¹. Подобная трактовка “кризиса” неизбежно выводит его за рамки привычного смысла соответствующего термина, не учитывающего всей сложности его содержания. Логическим следствием подобной трансформации является изменение постановки вопроса об истории развития указанного процесса, который не ограничивается историей буржуазной историографии, т.е. концом 1910-х гг., выходя далеко за её пределы и накладывая отпечаток на развитие советской историографии, а также находит своё отражение в других гуманитарных областях научного знания.

Конец XX в. в значительной степени актуализировал вопрос “кризиса” исторической науки на рубеже XIX-XX вв. ввиду во многом схожего состояния, в котором оказалось отечественное научное сообщество в первые годы постсоветского периода. Вновь погружённые в теоретико-методологические поиски альтернатив в исследовательской деятельности, российские учёные кардинально меняли своё в недавнем прошлом негативное отношение к состоянию науки предшествующего рубежа веков⁹².

Так, А. Н. Нечухрин трактовал состояние российской науки конца XIX – начала XX в. как общий кризис позитивизма в среде учёных, что имело своим следствием переосмысление ими теоретико-методологических основ исследовательской деятельности, что впоследствии отразилось на появлении так называемого “критического” позитивизма⁹³.

Отдельного внимания заслуживает идея взаимосвязанности упомянутого “кризиса” исторической науки с общим кризисом

⁹¹ Корзун В. П. Отечественная историческая наука на рубеже XIX-XX веков: “кризис” или расцвет? // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005. С. 18.

⁹² Корзун В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX-XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург-Омск, 2000. С. 7.

⁹³ Нечухрин А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. - 1917 г.). Гродно, 2003. С. 244-245.

гуманитаристики в России на рубеже XIX-XX вв., что отразилось на переосмыслении устоявшихся на тот момент взглядов о задачах и методологии научно-исследовательской деятельности. Данная концепция представлена в творчестве Н. М. Дорошенко, отстаивающей мысль о наличии нескольких подходов на рубеже XIX-XX вв. в процессе поиска выхода из сложившегося теоретико-методологического кризиса в отечественной исторической науке, либо ориентирующихся на образ, в большей степени свойственный естественнонаучному направлению, либо акцентирующих своё внимание на исторических фактах, личностях, т.е. подчёркивающих высокое значение психологического фактора⁹⁴.

В связи с этим становится закономерным вопрос: какое из философских направлений в наибольшей степени соответствовало существовавшему в конце XIX – начале XX вв. теоретико-методологическим запросам отечественного научного сообщества? Возможно, что именно неокантианству суждено было стать наиболее вероятной и естественной сменой позитивистскому учению, т.к. данные философские направления в рассматриваемый период представляли собой наиболее распространённые формы научной философии⁹⁵.

Таким образом, можно отметить весьма противоречивую оценку в историографии как сущности “кризиса” российской исторической науки рубежа XIX-XX вв., так и факторов, обусловивших появление данного феномена. Подобные разногласия объясняются, во-первых, непрерывной трансформацией отечественной историографической традиции на протяжении всего периода исследования указанного явления, во-вторых, - воздействием внешних причин (например, господствующей идеологии) на его трактовку исследователями. Данное обстоятельство значительно затрудняет интерпретацию существовавших в отечественной науке в конце

⁹⁴ Дорошенко Н. М. Философия и методология истории в России (конец XIX – начало XX в.). СПб., 1997. С. 6-7.

⁹⁵ Малинов А. В., Погодин С. Н. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. С. 173.

XIX – начале XX вв. процессов, в том числе и в качестве кризисных. Однако представляется возможным выделить некие общие закономерности при попытках толкования причин и самого понятия “кризиса” российской историографии. К их числу можно отнести представление:

- о постепенном отказе российских учёных в своей научной деятельности от позитивистского подхода;
- об их обращении к теории познания в поисках новых философских ориентиров;
- о мощном влиянии достижений немецкой философской мысли на творчество отечественных историков, прежде всего – Баденской школы неокантианства;
- о создании в рассматриваемое время качественно новых основ исторического познания и усложнении историософского мышления, а также закладывании основ методологии истории как самостоятельного научного направления;
- об отсутствии в отечественной научной среде теоретико-методологического единства;
- о закономерности данного пути развития для российской историографии конца XIX – начала XX вв.

Несмотря на существование множества спорных вопросов (о хронологических рамках данного феномена, основных этапах его развития, влиянии “кризиса” на советскую историографию и науку в целом, об историческом значении указанного явления в истории научной мысли и т.д.), а также различного толкования приведённых выше положений (например, теоретического и методологического плюрализма в среде русских учёных), представляется возможным сделать вывод о существовании в отечественной историографии независимо от господства той или иной историографической традиции или времени обращения к исследованию явления “кризиса” российской историографии рубежа XIX-XX вв. некоего общего представления о данном феномене, отражающего основные причины его возникновения, а

также смысловое наполнение понятия “кризис”, которое, как было отмечено, гораздо более многогранно и не может соответствовать привычному его значению.

Глава II. Философия, теория и методология истории в творчестве петербургских учёных

Феномен “кризиса” отечественной историографии явился, прежде всего, свидетельством историософских и теоретико-методологических поисков в среде российских исследователей на рубеже XIX-XX вв. Данное явление нашло непосредственное своё отражение в их научном творчестве, сквозь призму которого представляется возможным проследить процесс переосмысления исследователями встававших перед ними историософских и теоретико-методологических вопросов.

Несмотря на то, что понятие “кризиса” в отечественной науке традиционно связывается с состоянием российской историографии конца XIX – начала XX вв., т.к. именно среди представителей исторической науки вопросы философии, теории и методологии истории становились особенно актуальными, кажется правомерным утверждать, что для формирования комплексного образа историософской и теоретико-методологической мысли в рамках петербургской университетской школы необходимо также изучение творчества исследователей других гуманитарных факультетов, интересовавшихся подобными вопросами. Достижение указанной цели подразумевает анализ взглядов петербургских учёных на ряд историософских вопросов (о существовании законов в истории и детерминированности исторического развития, роли личности и социума в историческом процессе, сущности и генезисе государства), а также видения ими теоретико-методологической специфики научно-исследовательской деятельности.

Для определения круга представителей петербургской университетской школы философии, теории и методологии истории был проведён фронтальный анализ библиографии. Также оказались задействованы обзоры преподавания наук в Санкт-Петербургском (Петроградском) университете и отчёты о состоянии и деятельности Санкт-Петербургского

(Петроградского) университета по трём гуманитарным факультетам в рассматриваемый хронологический период⁹⁶.

§ 1. Историко-филологический факультет

Возникший в 1819 г. на базе отделения наук исторических и словесных Главного педагогического института, историко-филологический факультет Петербургского университета за долгую историю своего существования (вплоть до образования в 1919 г. ФОН) воспитал целую плеяду выдающихся учёных, внёсших значительный вклад в развитие как отечественной, так и мировой науки⁹⁷. Именно здесь вопросы философии, теории и методологии истории становились особенно актуальными, а непрекращающийся поиск

⁹⁶ См.: Обзорение преподавания на юридическом факультете Имп. Санкт-Петербургского университета на [1901-1902, 1902-1903, 1903-1904] на учебный год. СПб., [1901-1904]; Обзорение преподавания наук в Имп. Санкт-Петербургском [Петроградском] университете на [1904-1905, 1905-1906, 1906-1907, 1907-1908, 1908-1909, 1909-1910, 1910-1911, 1911-1912, 1912-1913, 1915-1916] учебный год. СПб. [Пг.], [1904-1912, 1915]; Обзорение преподавания наук в Имп. Санкт-Петербургском университете за 1883-1884 академический год. СПб., 1883; Обзорение преподавания наук в Имп. Санкт-Петербургском университете на второе полугодие 1885-1886 учебного года. СПб., 1885; Обзорение преподавания наук в Имп. Санкт-Петербургском университете на первое полугодие 1886-1887 учебного года. СПб., 1886; Обзорение преподавания наук в Имп. Санкт-Петербургском университете на осеннее полугодие [1887-1889] учебного года. СПб., [1887-1889]; Обзорение преподавания наук в Имп. Санкт-Петербургском университете на весеннее полугодие [1888-1890] года. СПб., [1888-1890]; Обзорение преподавания наук в Имп. Санкт-Петербургском университете на осеннее и весеннее полугодия [1890-1900] года. СПб., [1890-1899]; Обзорение преподавания наук на историко-филологическом факультете Имп. Санкт-Петербургского [Петроградского] университета в осеннем полугодии [1901, 1904, 1915-1917, 1918] года. СПб. [Пг.], [б. г., 1916, 1918]; Обзорение преподавания наук на юридическом факультете Имп. Санкт-Петербургского [Петроградского] университета в осеннем полугодии [1909, 1911-1915, 1918] года и в весеннем полугодии [1910, 1912-1916] года. СПб. [Пг.], [1909, 1911-1915, 1918]; Обзорение преподавания наук по факультету восточных языков в [1900-1901, 1902-1903, 1903-1904, 1905-1906] учебном году. СПб., [б. г., 1902, 1905]; Обзорение преподавания наук по факультету восточных языков Имп. Петроградского университета в осеннем полугодии [1915, 1917, 1918] года и в весеннем полугодии [1916, 1918, 1919] года. Пг., [1915, 1917, 1918]; Отчёты о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского [Петроградского] университета за 1882-1916 гг. СПб. [Пг.]: б. и., 1883-1916.

⁹⁷ Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи: учёное сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2017. С. 192.

ответов на них имел своим следствием формирование уникального облика сообщества петербургских историков, что дало основание характеризовать его в качестве самостоятельной исторической школы. Не менее значимым представляется и наследие учёных-филологов Петербургского университета, в котором также отразились поиски ответов на актуальные для науки рубежа XIX-XX вв. историософские и теоретико-методологические вопросы, хотя и с несколько иных позиций.

Безусловно, одной из важнейших фигур в истории петербургской исторической школы является личность Константина Николаевича Бестужева-Рюмина (1829-1897). Выпускник Московского университета, ученик С. М. Соловьёва, время его работы на кафедре русской истории столичного университета приходится на 1865-1884 гг.: с 1865 по 1868 гг. исследователь занимал должность приват-доцента, а с 1868 по 1884 – должность ординарного профессора⁹⁸.

Значительный интерес к личности К. Н. Бестужева-Рюмина в историографии во многом объясняется устоявшимся в среде петербургских историков восприятием его как одного из наиболее ранних последователей возникшей в XIX в. исторической школы. В научной деятельности учёного наиболее полно отразилась вся её специфика, влияние которой на формирование взглядов последующих представителей петербургского университетского сообщества (прежде всего, непосредственных учеников К. Н. Бестужева-Рюмина) трудно переоценить⁹⁹.

Важным при этом является то обстоятельство, что первоначально К. Н. Бестужев-Рюмин не был связан со столичным университетом: его студенческие годы проходили в Москве, где в то время уже утвердилась “школа С. М. Соловьёва”, что не могло не отразиться на формировании его

⁹⁸ Формулярный список о службе Константина Николаевича Бестужева-Рюмина // РГИА. Ф. 733. Оп. 136. Д. 49. Л. 9-20.

⁹⁹ Алеврас Н. Н. Петербургская школа историков. К. Н. Бестужев-Рюмин (из лекционного опыта) // Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования. Сб. науч. статей. СПб., 2008. С. 178.

научных взглядов¹⁰⁰. Однако последующий уход историка из Московского университета, научная карьера в котором оказалась для него сильно затруднена, стал важнейшей вехой в истории развития феномена исторических школ в России. Произшедшая в Петербурге трансформация историко-теоретической концепции К. Н. Бестужева-Рюмина выразилась, прежде всего, в переходе его на диаметрально противоположные позиции по отношению к московской школе¹⁰¹.

Противоречивой остаётся оценка философии, теории и методологии истории К. Н. Бестужева-Рюмина. Так, представители дореволюционной историографии, в частности, ученики исследователя, затруднялись однозначно отнести его к последователям какого-либо течения научной мысли. В качестве аргумента в пользу данной точки зрения приводилось отсутствие чётко выраженной концепции К. Н. Бестужева-Рюмина как в оценке смысла и хода исторического процесса, так и по ряду методологических вопросов. В дальнейшем мнения лишь дифференцировались. Так, ряд исследователей (напр., А. Н. Шаханов¹⁰²) отмечает мощное влияние идей позитивизма на мировоззрение учёного, объясняя вышеназванную противоречивость историко-философских взглядов К. Н. Бестужева-Рюмина его стремлением соединить учение О. Конта с уже потерявшим былое влияние учением Г. Гегеля. Согласно иной точке зрения, творчество “отца” петербургской исторической школы в большей степени развивалось в русле идей гегельянства. И хотя К. Н. Бестужев-Рюмин весьма неоднозначно относился к творчеству С. М. Соловьёва, авторитет последнего

¹⁰⁰ Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 46.

¹⁰¹ Алеврас Н. Н. Петербургская школа историков. К. Н. Бестужев-Рюмин (из лекционного опыта) // Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования. Сб. науч. статей. СПб., 2008. С. 179.

¹⁰² См.: Шаханов А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX - начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003.

ценился им весьма высоко¹⁰³. Данной позиции придерживается, например, Р. А. Киреева¹⁰⁴.

Специфика историософских и историко-теоретических взглядов К. Н. Бестужева-Рюмина прослеживается уже в первых его работах рубежа 1850-1860-х годов. Именно тогда им был задан вектор собственной исследовательской работы на несколько десятилетий вперёд¹⁰⁵. Историк отмечал следующую особенность исторической науки: “двойкие требования от истории в наше время, неизбежные по двойному характеру истории, которая соединяет в себе науку и искусство” приводят к тому, что “удовлетворить довольно близко тем или другим требованиям в настоящее время чрезвычайно трудно; удовлетворить же обоим вместе положительно невозможно <...> требование художественности от каждого исторического труда [становится] все более и более настойчиво”¹⁰⁶. Причём, если в Европе данное обстоятельство несколько сглаживается наличием источниковедческих (в соответствии с современной терминологией) исследований, то практически полное их отсутствие в России такое положение лишь усугубляет. Данное умозаключение К. Н. Бестужева-Рюмина, “отца” петербургской исторической школы, на долгие годы определит её специфику (акцент исследователей на критике обширной и слабо изученной источниковой базы). Сам учёный при написании своей “Русской истории” придерживался следующей схемы: критический обзор исторического источника, далее – анализ историографии, касающейся данного вопроса, а в заключение – составление максимально целостной

¹⁰³ Малинов А. В. Академическая философия истории в России (вторая половина XIX - начало XX века). Saarbrücken, 2011. С. 159.

¹⁰⁴ См.: Киреева Р. А. К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX века. М., 1990.

¹⁰⁵ Малинов А. В. Академическая философия истории в России (вторая половина XIX - начало XX века). Saarbrücken, 2011. С. 153.

¹⁰⁶ Бестужев-Рюмин К.Н. История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. Т. I-IX. Москва, 1851-1859. Т. X. СПб., 1860 // Отечественные записки. 1860. Т. CXXXII. С. 13-14.

картины прошлого, что возможно только при особом внимании к социокультурной составляющей жизни изучаемого общества¹⁰⁷. Поэтому историософское осмысление событий и явлений имеет для К. Н. Бестужева-Рюмина первостепенное значение.

С данной точки зрения учёный анализирует капитальный труд по русской истории С. М. Соловьёва. Критикуя концепцию московской исторической школы, К. Н. Бестужев-Рюмин указывает на излишнюю убеждённость её представителей в предопределённости направления хода истории. “Значение личности в общем ходе событий гораздо сильнее, чем мы обыкновенно представляем его <...>. Законы развития человечества суть не что иное, как формулы отношений между различными элементами этого развития, а личность [одна из] важнейших элементов”¹⁰⁸. Однако данная позиция не исключала идею историка о существовании в историческом процессе неких схем, которым в той или иной степени следуют все рассматриваемые им народы. Используя сравнительно-исторический метод, на примере конкретных фактов, взятых из прошлого ведущих европейских государств, К. Н. Бестужев-Рюмин выводит общие для них закономерности развития (затрагивая, например, проблему образования единого государства)¹⁰⁹. Несмотря на сложность чёткого определения историософских и теоретических позиций учёного, в трудах его очевидно преобладание позитивизма¹¹⁰.

Вторая половина XIX в. оказалась отмечена усилением интереса к проблеме наций и особенностей национального развития. В это время в

¹⁰⁷ Шмурло Е. Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829-1897. Юрьев, 1899. С. 151, 153.

¹⁰⁸ Бестужев-Рюмин К. Н. История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьёва. Т. I-IX. Москва, 1851-1859. Т. X. СПб., 1860 // Отечественные записки. 1860. Т. СXXXII. С. 4.

¹⁰⁹ Бестужев-Рюмин К. Н. Чему учит русская история // Древняя и Новая Россия. Исторический иллюстрированный ежемесячный сборник. 1877. Т. 1. С. 10, 11-12.

¹¹⁰ Шаханов А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX - начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 269-271.

российском научном сообществе прослеживается устойчивое внимание к прошлому славян, их месту и значению в историческом процессе, предпринимаются попытки прогнозирования будущего славянских государств¹¹¹. Особенное внимание исследователей занимает феномен “всеславянства”. Данная идея определит историософские концепции целого ряда отечественных учёных-славистов.

К их числу принадлежал и Владимир Иванович Ламанский (1833-1914), чья научная деятельность в 1865-1899 гг. проходила на историко-филологическом факультете Петербургского университета (в 1865-1871 гг. учёный занимал должность доцента, в 1871-1873 гг. – экстраординарного профессора кафедры славянской филологии, в 1873-1890 гг. – ординарного профессора, в 1883-1885 и 1886-1887 гг. избирался деканом факультета, а в 1890-1899 гг. был заслуженным профессором)¹¹². Научная деятельность исследователя оказала значительное влияние на формирование российского славяноведения. Его идеи во многом определялись концепцией отечественного славянофильства, которую учёный продолжал отстаивать на протяжении всей своей жизни. На становление взглядов исследователя, несомненно, оказал мощное влияние его наставник – И. И. Срезневский, также посвятивший себя исследованию данной области исторического знания¹¹³. При непосредственном знакомстве с культурой и жизнью славян во время поездки в Центральную Европу в 1862-1864 гг. “оригинальные воззрения г. Ламанского нашли <...> новую пищу и опору”¹¹⁴. Наконец, на интерес учёного не могла не оказывать определённое воздействие эпоха

¹¹¹ Саприкина О. В. Трактовка славянской идеи В. И. Ламанским на страницах Журнала Министерства народного просвещения // Вестник РГГУ. Серия “Исторические науки. Всеобщая история”. № 18 (61)/10. М., 2010. С. 258.

¹¹² Формулярный список о службе Владимира Ивановича Ламанского // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16330. Л. 250-268.

¹¹³ Пыпин А. Н. Русское славяноведение в XIX столетии. Окончание // Вестник Европы. СПб., 1889. № 5. С. 279.

¹¹⁴ Там же. С. 280.

Великих реформ, свидетелем которой ему суждено было стать, а также возрождение в 1860-х гг. панславянских тенденций в российском внешнеполитическом курсе¹¹⁵. Именно в это время приобретают особую остроту и актуальность вопросы о будущем славянства, происходит переосмысление его истории, всё чаще рассматривается возможность российско-славянского сотрудничества.

В. И. Ламанский сосредоточил своё внимание на изучении роли и места славян в историческом процессе¹¹⁶. Историко-философская позиция историка основывалась на представлении о двух сосуществующих в Европе цивилизациях (романо-германской и греко-славянской). В своей речи, зачитанной перед защитой магистерской диссертации, В. И. Ламанский констатировал, что “история греко-славянского мира должна пополнить значительный пробел в истории нового человечества <...> народы славянские <...> в силу своей исторической жизни не могли совершенно утратить памяти о своём общем происхождении и сознания своего первоначального, внутреннего единства”¹¹⁷. Общность славян следовала, прежде всего, из их религиозной гомогенности и историко-культурного родства. Исходя из этого, перспектива всеславянского единства виделась В. И. Ламанскому результатом, прежде всего, культурного единения славянских народов, которое неминуемо окажется под главенством наиболее передового из них русского народа, “единственного из всех славян, сумевшего сплотить крепкое, громаднейшее в истории государство”¹¹⁸. Достижение единства будет совершаться посредством всестороннего научного исследования

¹¹⁵ Данченко Е. В. Научная деятельность, исторические и общественно-политические взгляды В. И. Ламанского: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 3.

¹¹⁶ Там же. С. 18.

¹¹⁷ Ламанский В. И. Речь, произнесённая в С.-Петербургском университете 31 января 1860 г. при публичной защите диссертации на степень магистра: “О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании” // Ламанский В. И. Геополитика панславизма. М., 2010. С. 30-31.

¹¹⁸ Ламанский В. И. Чтения о славянской истории в Императорском С.-Петербургском университете. Чтение I. Изучение славянства и русское народное самосознание // Ламанский В. И. Геополитика панславизма. М., 2010. С. 705-706.

культуры и языка славян. Немаловажен также анализ их исторического развития сквозь призму взаимодействия с российским государством, т.к., по мысли учёного, “образованность, гражданственность и внешняя политика каждой страны стоят <...> в самой тесной внутренней связи”¹¹⁹.

Таким образом, возникает проблема реализации выдвинутой В. И. Ламанским теории. По мнению историка, разрешение существующих русско-славянских противоречий может быть достигнуто путём создания единого международного языкового пространства¹²⁰, что позволило бы ускорить консолидацию славян: “только русский язык может и должен поднять славян на степень всемирно-исторического народа, объединив их в одной общей литературе и образованности”¹²¹. Доказательством колоссального значения языка в процессе культурного сближения разных народов является пример государств романо-германской цивилизации, гораздо более монолитной в сравнении с греко-славянским миром. Необходимость славянского объединения приобрела первостепенное значение также ввиду перманентного противостояния славян как со своими восточными, так и с западными соседями, поскольку славянские народы, в силу своей исторической судьбы, вынуждены занимать срединное положение на карте Евразии. Усугубляли положение и внутренние распри славян¹²², на фоне которых создание единого церковнославянского языка кажется попыткой

¹¹⁹ Там же. С. 700.

¹²⁰ Пыпин А. Н. Русское славяноведение в XIX столетии. Окончание // Вестник Европы. СПб., 1889. № 5. С. 285.

¹²¹ Ламанский В. И. Распространение русского языка у западных славян // Ламанский В. И. Геополитика панславизма. М., 2010. С. 643.

¹²² Ламанский В. И. Непорешённый вопрос. Статья 1. Об историческом образовании древнего славянского и русского языка (И. И. Срезневскому) // Ламанский В. И. Геополитика панславизма. М., 2010. С. 663.

искусственного создания объединяющего фактора для преодоления межплеменной розни¹²³.

Итак, согласно В. И. Ламанскому, общности народов греко-славянской цивилизации противостоит конгломерат народов романо-германских. Разнонаправленность путей исторического развития двух “миров”, обусловленная несхожестью культурных начал, дополняется также несовпадением периодов их “жизни”: хронологически европейские народы гораздо ранее выходят на историческую сцену, поэтому их можно назвать старшими современниками славян¹²⁴. Из данного умозаключения следует представление учёного о различных этапах в развитии каждого народа, которые могут быть сопоставимы с периодами жизни биологического организма (развивающегося, достигающего зрелости и, наконец, умирающего).

Дифференциация народов по их историческому “возрасту” объясняет культурное отставание одних и первенство других. Поэтому требование, традиционно обращаемое к более молодым славянским народам, соответствовать уровню развития романо-германской цивилизации не представляется правомерным. Утверждения об отсталости славян и опережающих темпах развития Запада есть результат неверной интерпретации (или игнорирования) условий, в которых совершается исторический процесс¹²⁵.

Среди петербургских исследователей-филологов отдельного внимания заслуживает Иван (Игнатий-Нецислав) Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845-1929) – известный языковед, основатель лингвистической школы, работавший на историко-филологическом факультете Петербургского

¹²³ Саприкина О. В. Историческое развитие славянских народов в интерпретации российских учёных-славистов второй половины XIX в. // Люди и тексты. Исторический альманах. Информационное пространство истории. М., 2014. С. 284.

¹²⁴ Ламанский В. И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе // Ламанский В. И. Геополитика панславизма. М., 2010. С. 100.

¹²⁵ Там же. С. 101.

университета в 1870-1874 гг. (в должности приват-доцента) и в 1900-1918 гг. (в 1900-1914 гг. и 1917-1918 гг. в должности профессора) на кафедре сравнительного языкознания и санскритского языка¹²⁶.

В своих трудах исследователь отразил основные тенденции развития современного ему языкознания. В частности, учёный отмечал ряд факторов, непосредственно воздействовавших на данную отрасль научного знания. В их числе он называл: распространение в лингвистике методологического подхода, в большей степени свойственного естественнонаучному направлению (основанному на наблюдении и опыте); так называемый, “психологический” характер восприятия языка; влияние идей эволюционизма на формирование взглядов о сущности и функционировании языка¹²⁷. Таким образом, можно наблюдать значительное (особенно в третьей четверти XIX века) воздействие позитивистских идей и на сферу языкознания.

В этой связи весьма важным представляется суждение И. А. Бодуэна де Куртенэ о системе научного знания. По его мнению, любое его направление, занятое анализом, сравнением тех или иных явлений и фактов объективного мира, следующее методологии, основанной, прежде всего, на индукции, относится к совокупности естественных наук. Остальные же, акцентирующие своё внимание на отдельных, часто не подчиняющихся существующей теоретической схеме событиях и процессах, могут быть отнесены “историческим” наукам¹²⁸. Учёный отмечает следующую современную ему тенденцию: “приверженцы [всех наук] хотят сделать их строгими, т.е. именно науками”, которые “должны основываться на фактах”; “науки решительно исторические должны теперь стремиться по тому же

¹²⁶ Формулярный список о службе Ивана Александровича Бодуэна-де-Куртенэ // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16328. Л. 50-69.

¹²⁷ Бодуэн де Куртенэ И. А. Языкознание, или лингвистика, XIX века // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963. С. 4.

¹²⁸ Бодуэн де Куртенэ И. А. Несколько слов о сравнительной грамматике индо-европейских языков. СПб., 1882. С. 10.

пути”¹²⁹. В то же время, подвергая критике теорию А. Шлейхера, И. А. Бодуэн де Куртенэ приходит к следующему выводу: хотя методология языкознания, а также его внутренняя структура в большей степени соответствует естественнонаучному подходу, предмет же его входит в сферу исследования “психически-исторических” наук¹³⁰. Следовательно, любое высказывание в пользу оторванности науки о языке от истории и социологии не может быть истинно верным¹³¹.

Считая язык, прежде всего, социальным явлением (“функцией” социального организма), И. А. Бодуэн де Куртенэ связывал его эволюцию с эволюцией (т.е. историей) самого социума¹³². Исторический процесс исследователь рассматривал с позиций перманентной языковой коммуникации отдельных индивидуумов. Придавая огромное значение роли языка, И. А. Бодуэн де Куртенэ видел в нём связующее звено между различными социальными группами, разделёнными между собой временными промежутками, но при этом контактирующими между собой¹³³. История, таким образом, предстаёт в виде деятельности дифференцированных элементов (как в форме коллективов, так и в виде индивидуумов), спаянных между собой сохраняющимся культурным взаимодействием, где главным признаком общности культуры является общность языка. Именно язык не позволяет социуму погрузиться в пучину хаоса. При этом непрерывно совершающееся развитие общества, течение его истории также связано с изменениями, происходящими в языковой

¹²⁹ Бодуэн де Куртенэ И. А. Август Шлейхер (1870) // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М., 1963. С. 37.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Виноградов В. В. И. А. Бодуэн де Куртенэ // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М., 1963. С. 8.

¹³² Щерба Л. В. И. А. Бодуэн де Куртенэ: Некролог // Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР. Л., 1930. Т. III. Кн. 1. С. 315.

¹³³ Виноградов В. В. И. А. Бодуэн де Куртенэ // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М., 1963. С. 15.

коммуникации его членов¹³⁴. Накапливающиеся со временем изменения в языке меняют мышление использующих его индивидуумов, а значит и совершаемые ими действия, придавая историческому процессу необходимую динамику. “Посредством браков происходит смешение языков семейных, вследствие же столкновения племён и народов – взаимодействие, взаимное влияние и смешение говоров и затем <...> смешение целых языковых областей и племенных и национальных языков” – заключает учёный¹³⁵. В случае подобного столкновения происходит конкуренция противостоящих друг другу языков и, следовательно, их носителей. Как правило, в данном языковом (а вместе с тем и социальном) противоборстве куда более выгодная позиция у простых языков, которые имеют больше шансов занять господствующее положение в условиях новых социальных отношений.

Чрезвычайно важными для рассмотрения представляются рассуждения И. А. Бодуэна де Куртенэ о национальностях, т.к. в них находят своё отражение историософские взгляды учёного. “Сначала, в диком и кочевом состоянии, имелись объединённые племена, враждовавшие с другими на всём пространстве земного шара <...> Затем появляется зачаточное территориальное объединение, неопределённые географические границы, а в этих границах постоянная почва для земледелия”¹³⁶. Следующим этапом в развитии социума И. А. Бодуэн де Куртенэ видит появление множества новых и рост прежних объединений, что приводит уже к возникновению государства “в новейшем смысле этого слова”¹³⁷. Параллельно процессу государствообразования происходит генезис наций. Причём “национальный элемент <...> становится потребностью культуры и находится в тесной связи с признанием человеческого достоинства”, поэтому каждый индивидуум,

¹³⁴ Бодуэн де Куртенэ И. А. О смешанном характере всех языков // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М., 1963. С. 364.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Бодуэн де Куртенэ И. А. Национальный и территориальный признак в автономии. СПб., 1918. С. 14-15.

¹³⁷ Там же. С. 15.

равно как и социальная группа, имеет право на определение собственной национальной принадлежности¹³⁸. Потребность эта логически следует из самих терминов, которыми оперирует И. А. Бодуэн де Куртенэ. На их основе можно сформулировать следующую логическую цепочку: язык – психосоциальное явление; общность языка - один из главных признаков нации; следовательно, нация есть отражение психосоциальной сущности общества, эту нацию составляющего. Т.к. любой социум складывается из самостоятельных индивидуумов, нация (как система взаимодействующих социальных групп) выступает объединением, в котором проявляется общность образа мышления отдельных его представителей. Соответственно, развитие нации определяется каждой составляющей её личностью. Однако последняя не в силах самостоятельно оказать значительное влияние на национальное развитие; история нации, представленной языковой общностью индивидуумов, только этой общностью может быть изменена. Что касается межнациональных взаимоотношений (например, в полиэтничных государствах), прогрессивность их, согласно И. А. Бодуэну де Куртенэ, целиком и полностью зависит от решения национального вопроса. Мир между нациями, уважение их самостоятельности ведёт к миру политическому. Более того, на межгосударственном уровне “люди одноязычные и одноплеменные, входящие в состав разных государств, будут служить не яблоком раздора между этими государствами, а, как раз наоборот, объединительным звеном между ними”¹³⁹.

Другим выпускником Московского университета, чьё имя оказалось неотделимо от истории петербургской университетской школы, был один из учеников В. И. Герье - Николай Иванович Кареев (1850-1931). Всё время его работы на историко-филологическом факультете столичного университета можно разделить на два периода – с 1885 по 1899 г. и с 1906 по 1923 г. В 1885-1886 гг. учёный занимал должность приват-доцента, в 1886-1890 –

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же. С. 67.

экстраординарного профессора, с 1890 г. – ординарного профессора, а с 1918 г. – заслуженного профессора¹⁴⁰.

Н. И. Кареев выступал активным сторонником взаимодействия историософского и социологического знания. По мнению учёного, пути исторического процесса напрямую определяются внутренним устройством социума. Поэтому и наука, занимающаяся изучением закономерностей и особенностей его функционирования, не может рассматриваться отдельно от историко-философского направления научной мысли¹⁴¹. Взаимодействие историософского знания с социологией должно также сводить на нет влияние провиденциализма на процесс восприятия исторического процесса. Однако данное обстоятельство приводит к невольному подстраиванию фактов и явлений под идею о совершенном социуме (характерную для социологии), что, естественно, несёт за собой определённую степень домысла¹⁴². Отсюда следует неизбежное обращение каждого исследователя к вопросу о самой возможности исторического познания. Так, Н. И. Кареев стал одним из первых русских исследователей, у которого обнаруживается детальный анализ проблем исторической гносеологии.

Теоретические воззрения Н. И. Кареева основываются на двух базовых определениях понятия “история”. Под последней, в первом случае, подразумевается прошлое человечества; во втором – научное направление, объектом изучения которого оно является. На основе данного представления Н. И. Кареевым было выдвинуто деление теоретической стороны исторического знания на две составляющие - историку и историологию. Под первой историк подразумевал, прежде всего, теорию исторического знания, т.е. то, каким образом происходит познание истории при условии сохранения его научности. При этом методологическая составляющая имеет

¹⁴⁰ Формулярный список о службе Николая Ивановича Кареева // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16330. Л. 109-124.

¹⁴¹ Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Очерк русской философии истории // Русская историософия: антология. М., 2006. С. 59.

¹⁴² Там же. С. 60.

превалирующее значение¹⁴³. В свою очередь, историология, предметом которой выступает исторический процесс, призвана сформировать представление о том, в какой форме и при каких условиях этот процесс происходит. Т.е. если полем деятельности историки становятся проблемы истории как науки (проблемы эпистемологии и методологии), то историология стремится ответить на вопросы истории как исторического прошлого (онтологические и социологические проблемы)¹⁴⁴.

Изложенное представление учёного о структуре общей теории истории отражает то влияние, которое оказывали на учёного наиболее распространённые тогда в научном сообществе философские течения. Однако вопрос о том, какое из них в большей степени оказывало влияние на формирование взглядов Н. И. Кареева (гегельянство, позитивизм, неокантианство), остаётся актуальным до сих пор. Хотя историк был склонен причислять себя в большей степени к последователям позитивистского направления философской мысли, в последующем в отечественной историографии высказывались иные, полностью или частично противоречащие точке зрения самого учёного гипотезы¹⁴⁵. В частности, заслуживает внимания оценка Н. И. Кареева как “полупозитивиста”¹⁴⁶. Согласно иной трактовке, историко-теоретические воззрения историка, оставаясь на базе позитивизма, неизбежно видоизменялись под мощным воздействием неокантианского учения¹⁴⁷.

Последнее утверждение может быть подкреплено тем фактом, что теоретическая концепция Н. И. Кареева согласуется с передовыми достижениями западноевропейской философии. Анализ трудов учёного

¹⁴³ Кареев Н. И. Историка: теория исторического знания // Кареев Н. И. Избранные труды. М., 2010. С. 354-355, 357.

¹⁴⁴ Кареев Н. И. Историология: теория исторического процесса. М., 2011. С. 17-18.

¹⁴⁵ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. СПб., 1990. С. 301.

¹⁴⁶ Зеньковский В. В. История русской философии. М., 2001. С. 361.

¹⁴⁷ Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Русская философия истории. М., 1997. С. 192.

помогает выявить эту связь. Так прослеживаются истоки его взглядов: Н. И. Кареев прибегает к использованию понятий, введённых ещё “отцом” позитивизма – О. Контом, - и по-своему видоизменяет их. В данном случае речь идёт о классификации наук на абстрактные и конкретные. Н. И. Кареев прибегает здесь к собственной терминологии и выводит соответственно деление наук на “номологические” и “феноменологические”¹⁴⁸. При этом историческую науку учёный относит ко второй категории, в отличие от социологического знания¹⁴⁹. С одной стороны, здесь прослеживаются позитивистские истоки теории истории Н. И. Кареева (базовая установка на фактическую составляющую изучаемого объекта, идея непрерывного прогрессивного развития социума и т.д.¹⁵⁰). С другой же, можно отметить, что дальнейшее развитие взглядов историка сближало его с позициями неокантианцев. Более того, теоретические взгляды Н. И. Кареева, отразившиеся в его докторской диссертации “Основные вопросы философии истории” (1884), оказались хронологически более ранним открытием для европейской науки в сравнении с концепцией Баденской школы. Исследователь принял выдвинутую В. Виндельбантом категорию “идиографических” наук, предпочитая, однако, введённое ранее собственное понятие наук “номологических” (в отличие от “номотетических”)¹⁵¹. Имела место также критика Н. И. Кареевым отдельных положений теоретических установок Баденской школы, например, неприятие отрицания её представителями общих, глобальных процессов в историческом процессе, т.к., по мнению историка, их поиск является одной из главных задач исторической науки¹⁵².

¹⁴⁸ Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. СПб., 1897. С. 8-9.

¹⁴⁹ Там же. С. 14.

¹⁵⁰ Зеньковский В. В. История русской философии. М., 2001. С. 351-352.

¹⁵¹ Кареев Н. И. Историка: теория исторического знания // Кареев Н. И. Избранные труды. М., 2010. С. 367.

¹⁵² Там же. С. 373.

Видение Н. И. Кареевым истории как процесса, в основе которого лежат чёткие причинно-следственные связи, где роль случая довольно незначительна, отразилось на применяемой им методологии. Учёный активно использует сравнительно-исторический метод, чтобы проследить общие тенденции исторического развития (на примере культуры, политики, экономики и т.д.), “наблюдаемые в разных странах и в очень отдалённые иногда один от другого периоды времени”¹⁵³. При этом “исторический прогресс, в разных своих проявлениях, наблюдаемых в прошлом народов, не есть, однако, основной закон истории, потому что, во-первых, такого закона вообще нет, а во-вторых, и потому, что в истории наблюдается рядом с прогрессом нечто, ему диаметрально противоположное”¹⁵⁴. Отсюда Н. И. Кареев выводит для себя следующую схему: 1) констатация факта, “это – первый шаг к познанию действительности”¹⁵⁵; 2) выявление причинно-следственных связей; 3) обобщение наиболее значимые из них, а далее раскрытие их сути с помощью номологических наук¹⁵⁶. Отрицая, таким образом, существование отдельных исторических законов, исследователь вместе с тем отвергает наличие какого-либо универсального закона, которому бы подчинялся весь исторический процесс¹⁵⁷. “Историки и другие учёные, идиографически изучающие человеческие общества, тем самым готовят для социологов, изучающих то же самое номологически, необходимый фактический материал”¹⁵⁸.

¹⁵³ Кареев Н. И. Историка: теория исторического знания // Кареев Н. И. Избранные труды. М., 2010. С. 454.

¹⁵⁴ Кареев Н. И. Историология: теория исторического процесса. М., 2011. С. 308.

¹⁵⁵ Кареев Н. И. Историка: теория исторического знания // Кареев Н. И. Избранные труды. М., 2010. С. 383.

¹⁵⁶ Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. СПб., 1897. С. 18.

¹⁵⁷ Васильев Ю. А. Феномен “Ecole russe”: теория истории Н. И. Кареева // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 3. С. 125.

¹⁵⁸ Кареев Н. И. Историология: теория исторического процесса. М., 2011. С. 45.

Собранный материал, как правило, иллюстрирует направление хода истории той или иной народности, государства в определённую историческую эпоху. Но “народы не живут на изолированных островах вне всякого между собою общения <...> собственно говоря, изолированных историй народов даже и нет совсем”, из чего следует вывод исследователя о существовании мировой, всемирной истории (Weltgeschichte)¹⁵⁹. Глобализм теории Н. И. Кареева, таким образом, помещает отдельно взятые, часто вырванные из исторического контекста “местные истории” в некую общую, всеохватывающую систему, т.к. только так становится возможным в полной мере оценить их место и роль в истории человечества, а также их взаимосвязанность¹⁶⁰. В частности, наиболее полное отражение данная концепция историка нашла своё отражение в его “Истории Западной Европы в Новое время” (1892-1917).

Аналогично Н. И. Кареев относился и к роли личности в истории. Учёный отказывается от распространённого прежде взгляда на социум как организм, выдвигая в противовес определение его как сложной системы, связывающей воедино все его элементы (т.е. индивидуумов). Именно в такой форме происходит течение истории. При этом, естественно, “поступки людей, оказывающие действие на ход истории, имеют не одинаковое значение и в качественном, и в количественном отношении”¹⁶¹. Н. И. Кареев, таким образом, занимает промежуточную позицию между отношением к массам как единственному двигателю исторического процесса и абсолютизацией роли личности в истории¹⁶². Кроме того, учёный подкрепляет данную мысль видимой им детерминированностью исторического процесса совокупностью различных факторов (влияние

¹⁵⁹ Кареев Н. И. Историка: теория исторического знания // Кареев Н. И. Избранные труды. М., 2010. С. 485-486.

¹⁶⁰ Там же. С. 487.

¹⁶¹ Кареев Н. И. Историология: теория исторического процесса. М., 2011. С. 164.

¹⁶² Там же. С. 156-157.

окружающей среды, господствующей культуры и проч.), являющихся причиной совершающихся событий. Но и здесь предопределённость, по мнению Н. И. Кареева, далеко не абсолютная: каждая личность всё же сохраняет за собой определённую свободу действия¹⁶³. Но на её становление воздействует ряд внешних факторов, а именно: 1) “органические”, или данные личности с рождения; 2) “неорганические”, определяющиеся воздействием географической среды; 3) “надорганические”, характеризующиеся сложившимися в социуме культурными традициями¹⁶⁴. Очевидно, что взаимодействие индивидуума с социумом происходит на уровне последней группы факторов. В совокупности же они определяют общий ход исторического процесса народа или государства. А так как эти факторы у разных обществ уникальные, то и ход истории в каждом случае является неповторимым, а значит всякая идея о единстве истории является ложной.

Одним из учеников К. Н. Бестужева-Рюмина в годы его преподавательской деятельности на историко-филологическом факультете был Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863-1919). Специфика научных взглядов и преподавательской деятельности учёного обусловила совершенно особое его положение в петербургской исторической школе¹⁶⁵. Упрёки современников исследователя в излишней его приверженности к теоретизированию, однако, отнюдь не означали оторванности А. С. Лаппо-Данилевского от университетской школы, ярким представителем которой он являлся¹⁶⁶. Время его работы в Петербургском университете приходится на 1890-1919 гг.: в 1890-1918 гг. исследователь занимал должность приват-доцента на кафедре русской истории, а также – в 1907-1918 гг., - на кафедре

¹⁶³ Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. СПб., 1897. С. 38.

¹⁶⁴ Там же. С. 56-58.

¹⁶⁵ Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский как представитель петербургской исторической школы // Петербургские чтения 97. СПб., 1997. С. 414.

¹⁶⁶ Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 56.

всеобщей истории, позднее же, в 1918-1919, пребывал в должности экстраординарного профессора на кафедре русской истории¹⁶⁷.

Первоначально становление научных взглядов А. С. Лаппо-Данилевского происходило под влиянием позитивистского учения¹⁶⁸. Однако, последующее выделение им идиографического (индивидуализирующего) и номотетического (обобщающего) подходов в истории кардинально видоизменило его научное творчество. Исследователь отстаивал главенство идиографического метода как в “общей”, так и “специальной” методологии истории: если первую можно отождествить с теорией истории, то вторая, в свою очередь, “даёт понятие об общих методах изучения, главным образом, в их зависимости от данного объекта, т.е. от истории человечества”¹⁶⁹.

Ввиду этого кажется закономерной поддержка А. С. Лаппо-Данилевским неокантианства, отстаивающего схожий принцип (основанный на главенстве идиографического подхода) в научной деятельности. Подвергая критике позитивизм, учёный видел его недостатки в чрезмерном догматизме отстаиваемых идей, отсутствии чёткой грани между теорией и эмпирией, пренебрежением значением личностного фактора в процессе научного построения¹⁷⁰. Кроме того, характерное для неокантианского подхода признание важнейшего значения за источником и фактами находило внутренний отклик у исследователя в силу схожих взглядов, сложившихся у него в рамках петербургской школы, представителем и носителем традиций которой он являлся. Хотя А. С. Лаппо-Данилевский подчёркивает, что различие между указанными подходами “проводится с точки зрения

¹⁶⁷ Ходатайство Президента Академии Наук министру народного просвещения об утверждении его [А. С. Лаппо-Данилевского] в звании экстраординарного академика // РГИА. Ф. 733. Оп. 123. Д. 9. Л. 126-128.

¹⁶⁸ Погодин С. Н. Русский европеец А. С. Лаппо-Данилевский // Русская и европейская философия: пути схождения: материалы научной конференции. СПб., 1999. С. 50.

¹⁶⁹ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М., 2006. С. 264-265.

¹⁷⁰ Лаппо-Данилевский А. С. Основные принципы социологической доктрины О. Конта // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 409-478.

аналитической, а не генетической; в действительности изучение исторических источников идёт, конечно, рука об руку с изучением исторического процесса”¹⁷¹, в то же время наиболее характерным для него самого становится акцентирование внимания на индивидуальных чертах отдельных явлений¹⁷².

Одновременно с критикой позитивизма, А. С. Лаппо-Данилевский считал вполне применимыми отдельные положения данного учения (принципы эволюции, единства и др.), которые с течением времени становились лишь более актуальными для науки ввиду постепенного изменения в сознании историков представлений об объекте исторического изучения: если ранее внимание исследователей акцентировалось преимущественно на национальной истории, то теперь - на всемирной¹⁷³. Ввиду этого учёным начинает использоваться такой термин, как “мировое целое”. “Человечество, более или менее полно представляемое одним или многими народами, оказывается субъектом индивидуальной эволюции, совмещающей в себе и те единичные события, которые оказали влияние на общий ход его развития, и те отдельные исторические группы и серии, из которых оно складывается”¹⁷⁴. Т.е. данное явление есть предельное понятие, из которого учёный в процессе анализа выделяет для нужд собственного исследования какой-либо объект.

Подобная идея подразумевает восприятие человечества в качестве совокупности личностей, объединённых способностью аккумулировать высшие ценности, которые, в свою очередь, способствуют достижению всеединства и объединению в одной индивидуальности¹⁷⁵.

¹⁷¹ Лаппо-Данилевский А. С. *Методология истории*. М., 2006. С. 266.

¹⁷² Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский как представитель петербургской исторической школы // *Петербургские чтения* 97. СПб., 1997. Там же.

¹⁷³ Лаппо-Данилевский А. С. *Основные принципы социологической доктрины О. Конта* // *Проблемы идеализма*. М., 1902. С. 436.

¹⁷⁴ Лаппо-Данилевский А. С. *Методология истории*. М., 2006. С. 262.

¹⁷⁵ Там же. С. 261.

Проблемы философии, теории и методологии истории нашли своё отражение в деятельности ещё одного представителя петербургской исторической школы - Ивана Васильевича Лучицкого (1845-1918). Выпускник Киевского университета, И. В. Лучицкий работал на историко-филологическом факультете Петербургского университета в 1914-1917 гг., занимая должность приват-доцента на кафедре всеобщей истории¹⁷⁶.

На становление научного мировоззрения учёного оказали значительное влияние работы Г. Т. Бокля, а затем и О. Конта, с которыми исследователь ознакомился, ещё будучи студентом. Философская концепция последнего особенно захватила историка. «Конт дал ему то, в чём И. В. ощущал наибольшую нужду: методологические указания для изучения в широком масштабе исторических явлений, а не одного только метода исторической критики»¹⁷⁷. Становясь на позиции позитивизма, И. В. Лучицкий в своих исследованиях делает акцент на раскрытии закономерностей жизни социума. Теоретические взгляды И. В. Лучицкого основаны на представлении о двойственной природе человеческой деятельности в силу двойственной природы самой личности, которая одновременно проявляет себя как биологическое и как социальное явление. Наиболее важным в историческом процессе им объявляется прогресс в умах его отдельных представителей, то есть проявление социальной сущности человека.

Стоит отметить постепенную трансформацию взглядов историка в рамках позитивистской философской системы. Первоначальное, практически безоговорочное принятие данной концепции постепенно сменилось более осторожной и критической позицией¹⁷⁸. Всё более явно задачей учёного

¹⁷⁶ Формулярный список о службе Ивана Васильевича Лучицкого // РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 1506. Л. 129-137.

¹⁷⁷ Тарле Е. В. И. В. Лучицкий. К пятидесятилетию его научно-литературной деятельности. 1863-1913 // Тарле Е. В. Сочинения в двенадцати томах. Т. 11. М., 1961. С. 383.

¹⁷⁸ Погодин С. Н. «Русская школа» историков и социология // Многоликая современность. Сборник к 60-летию доктора философских наук, профессора Владимира Вячеславовича Козловского. СПб., 2014. С. 96.

начал становиться поиск закономерностей в существовании социума: какими бы значительными по своим последствиям ни были единичные, оторванные от общего контекста исторические события, они не в силах кардинально изменить намеченный ранее вектор исторического развития общества. И, наоборот, роль постоянно действующих в истории факторов, пусть даже не выделяющихся значительно по своим масштабам, представляется огромной. Они-то и могут быть по праву названы историческими законами. Для их вычленения, по мысли исследователя, необходимо, во-первых, проанализировать то или иное социальное явление сквозь призму его развития в рамках истории, а во-вторых, аналогично рассмотреть другие факты и явления в их совокупности, после чего, совмещая оба подхода, составить определённую картину эволюции каждого из данных фактов и явлений и закономерность развития их в форме совокупности, т.е. исследовать таким образом их взаимовлияние¹⁷⁹.

Концепция учёного отражала его представление о задачах различных научных направлений. Т.к. исследование наиболее общих исторических закономерностей должно находиться в сфере отдельной научной дисциплины, а именно социологии, задача исторической науки, в большей степени ориентированной на работу с фактами, заключается в сборе и отборе источников – базовой основы для последующей работы социологии¹⁸⁰ (хотя И. В. Лучицкий и замечает, что “самой науки об общественных явлениях ещё не существует, что она ещё не выработана, так как не выработаны её основы, нет согласия по отношению к этим основам”¹⁸¹).

Занимаемая И. В. Лучицким позиция предопределила его историко-теоретический и методологический подход в научной работе. Отвергая не имеющие под собой прочной основы умозрительные теории, учёный

¹⁷⁹ Лучицкий И. В. Отношение истории к науке об обществе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18. № 1. С. 64-65.

¹⁸⁰ Там же. С. 62.

¹⁸¹ Там же. С. 66.

отстаивал первостепенную важность источниковедческой составляющей исторического исследования, без пристального внимания к которой достижение соответствующего объективной реальности, истинного знания не представляется возможным¹⁸². Любое научное исследование должно основываться на столь возможно широкой источниковой базе. В то же время историку не следует ограничиваться одним лишь поиском и критикой документов и последующим изложением их содержания. Важнейшей стороной деятельности учёного должно быть привнесение в науку нового истолкования источникового материала: количество документальных исторических свидетельств хотя и чрезвычайно велико, однако строго лимитировано; количество же возможных взглядов на них не поддаётся никаким подсчётам¹⁸³. Кроме того, интерпретация источника зависит и от внешних условий, господствующего в данный момент времени в обществе мировосприятия.

Следующая из позитивистского подхода теория неизбежного прогресса человечества выдвинула на первый план историко-сравнительный метод исследования. Данный подход, по мысли И. В. Лучицкого, находит своё применение при систематизации существующих теоретических построений, исследовании взаимосвязанности как отдельных фактов и явлений, так и их групп; в результате значительно снижается вероятность ошибочных научных выводов. Одновременно необходимо обращаться к использованию историко-генетического метода, позволяющего вычленив истоки исследуемых с помощью сравнительного метода явлений¹⁸⁴.

Закономерным следствием особого внимания учёных к источниковой базе исследования стала их попытка расширить её анализ и повысить

¹⁸² Погодин С. Н. «Русская школа» историков и социология // Многоликая современность. Сборник к 60-летию доктора философских наук, профессора Владимира Вячеславовича Козловского. СПб., 2014. С. 99.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Лучицкий И. В. Отношение истории к науке об обществе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18. № 1. С. 63.

точность извлекаемых при этом выводов. Применение нового, статистического метода было активно поддержано И. В. Лучицким: с ним историк был склонен связывать развитие, прежде всего, экономической истории - одной из наиболее перспективных областей исторической науки конца XIX века, которой он и сам был увлечён¹⁸⁵. Новое направление тесно связано с именем Д. С. Роджерса, провозгласившим необходимость более пристального внимания к исследованию экономической составляющей исторического развития, её воздействию на исторический процесс. “Какое влияние оказывали экономические явления на ход событий, какое взаимодействие существовало между экономическими факторами и тем калейдоскопом событий и фактов, который составляет содержание того, что называют обыкновенно историей, - вот в чём деятели этого нового движения в историко-экономической науке видят главное условие для создания научной истории”¹⁸⁶. Однако учёный отнюдь не ограничивался применением данного методологического приёма уже ввиду своих позитивистских взглядов¹⁸⁷.

Совершенно уникальных взглядов на существующие в науке историософские и теоретико-методологические проблемы придерживался Лев Платонович Карсавин (1882-1952), работавший на кафедре всеобщей истории историко-филологического факультета Петербургского университета в 1912-1918 гг. в должности приват-доцента, а с 1918 по 1922 гг. – в должности профессора историко-филологического факультета (ФОН)¹⁸⁸.

Сфера научных интересов Л. П. Карсавина обозначилась уже в годы его учёбы в университете. Учёный акцентировал внимание, прежде всего, на

¹⁸⁵ Мягков Г. П. "Русская историческая школа": Методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988. С. 108.

¹⁸⁶ Лучицкий И. В. Джемс Сорольд Роджерс (некролог) // Юридический вестник. Издание Московского Юридического общества. 1891. Т. 7. № 2. С. 172.

¹⁸⁷ Могильницкий Б. Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов. Томск, 1969. С. 289-290.

¹⁸⁸ Формулярный список о службе Льва Платоновича Карсавина // РГИА. Ф. 740. Оп. 8. Д. 626. Л. 113-125.

исследовании западноевропейского общества периода классического средневековья, что нашло своё отражение в подготовленной им диссертации по окончании научной командировки 1910-1912 гг.¹⁸⁹. Данный труд Л. П. Карсавина – “Очерки религиозной жизни в Италии XII-XIII вв.” (1912), как и его докторская диссертация, во многом предопределили последующее направление его исследовательской деятельности. Изучение учёным религиозной проблематики способствовало постепенному оформлению его собственной теоретической схемы, которая позже найдёт свои параллели в школе “Анналов”. Детальное исследование, прежде всего, психологического аспекта развития общества, внимание к мыслям отдельного индивидуума, его повседневному быту имело своей целью воссоздать целостную картину жизни средневековой личности как самостоятельной, саморазвивающейся системы¹⁹⁰. В результате стало возможным формирование представления о всём обществе как цельном, внутренне спаянном объединении, крайне независимом в отношении внешнего на него воздействия. “Из единства субъекта развития [т.е. социума] вытекает и единство его социальной деятельности <...> формы социальной деятельности – экономическая, политическая, философская, религиозная и т. д. – будучи и оставаясь в некотором отношении различными, должны в то же самое время быть одною деятельностью”¹⁹¹. Ввиду того, что данная деятельность вызывается к жизни человеческими нуждами, она носит социально-психический характер, а история есть “психически-социальное развитие человечества”¹⁹².

Отстаивая данную точку зрения, Л. П. Карсавин соответственно определяет цели теории и философии истории, проводя между ними чёткую грань. Если первую учёный рассматривает как “науку, которая изучает

¹⁸⁹ Зеньковский В. В. История русской философии. М., 2001. С. 792.

¹⁹⁰ Карсавин Л. П. Основы средневековой религиозности в XII-XIII веках преимущественно в Италии. Пг., 1915. С. 10.

¹⁹¹ Карсавин Л. П. Введение в историю. (Теория истории). Пг., 1920. С. 11.

¹⁹² Там же. С. 12.

сущность и свойства исторического процесса и познания его”, то вторую – как направление, исследующее “те же вопросы и сам исторический процесс в связи с Абсолютным”¹⁹³.

Выступая с позиций философии всеединства, автор впервые в рамках данной теоретической концепции предлагает цельное историко-философское её обоснование¹⁹⁴. Характерным при этом становится переплетение учёным теоретического и методологического компонентов научного познания, основанное на его теории исторического процесса, которая, в свою очередь, логически следует из отстаиваемой им философии всеединства. Само понятие истории трактуется Л. П. Карсавиным как форма и способ существования человечества в его естественном единстве. Следовательно, развитие его является всеохватывающим - как по своим масштабам, так и в хронологическом отношении. Своего рода “летописное” восприятие истории как последовательности независимых событий и явлений, связанными между собой не внутренней взаимосвязью, а, главным образом, факторами извне, не в состоянии сформировать ясное представление об историческом процессе как единой развивающейся системе.

Учёный отмечает также несовершенство и противоречивость органической теории “со всеми её курьёзами”¹⁹⁵. Стремление её последователей обосновать происходящие в истории процессы с позиций биологизма с характерным для него представлением о последовательной смене периодов молодости, зрелости и старости исторических субъектов представляет угрозу психического восприятия исторических явлений. Прежде всего это касается исследования частных и вполне определённых элементов исторического процесса. В таком случае формирование общих теоретических выводов индуктивным методом, посредством искусственного наложения на них черт, свойственных лишь отдельным частностям, может

¹⁹³ Там же. С. 5.

¹⁹⁴ См.: Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993.

¹⁹⁵ Там же. С. 210.

привести к ошибочному восприятию исторической действительности: безусловно, в каждом рассматриваемом частном явлении или субъекте проявляются общие теоретические законы, но это отнюдь не значит, что в последних будут как-то отражены черты этих частных¹⁹⁶.

В связи с этим особенно актуальной задачей исторического исследования Л. П. Карсавину представляется установление связи между общими историческими законами и отдельным индивидуумом, отстаивание идеи о цельности исторического процесса¹⁹⁷. В противном случае, по мнению учёного, существует опасность поддаться необъективному методу исследования, при котором исторические понятия общего характера, обозначающие весьма широкие слои и группы действующего в истории социума, неизбежно будут восприниматься не в качестве реальных “всеединых личностей”, а лишь как некие абстрактные феномены¹⁹⁸. Из данного умозаключения следует вывод об основной задаче исторической науки - исследовании не совокупности отдельных фактов и явлений и сопряжённых с ними понятий, а, прежде всего, их общности в виде общечеловеческого всеединства и отдельных его индивидуализаций¹⁹⁹.

Предложенная теоретическая концепция логически следует из представления исследователя об основе любого исторического мировоззрения, каковой является религия. Последовательный анализ основных её форм (от политеистических до монотеистических) иллюстрирует несостоятельность каждой из них²⁰⁰. Прослеживая, однако, историческое развитие религиозных представлений от достаточно примитивных до более совершенных, можно наблюдать определённую их

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Там же. С. 211.

¹⁹⁸ Карсавин Л. П. О началах (опыт христианской метафизики) // Карсавин Л. П. Сочинения. СПб., 1994. Т. 6. С. 221.

¹⁹⁹ Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993. С. 212.

²⁰⁰ Там же. С. 212-215.

эволюцию на пути обретения создаваемыми ими мировоззренческими концепциями принципов историзма. Доказательством тому служит постепенный и в то же время повсеместный переход от политеистических религиозных представлений к дуалистическим и теистическим. Если первые практически лишены принципа историзма в силу отсутствия каких-либо идеальных представлений о социуме, то последние, ввиду их представления о существовании в мире антагонистических начал – идеального и материального, уже несут в себе некоторые его элементы, наиболее важным из которых выступает идея поступательного развития, пути к данному идеалу, т.е. идея общественного прогресса²⁰¹. Однако подобный взгляд на историю как процесс развития от низшего к высшему, а также характерная для каждой подобной религии идея “конца” истории, которая и определяет необходимый путь к идеалу, кажется чрезмерным противопоставлением объективного мира и идеального начала. Другое его несовершенство, по мнению историка, заключается в априорном понятии идеального начала, которое привносится извне²⁰². Избежать указанных крайностей со всеми их недостатками позволяет христианство, провозглашающее задачей человечества единение с идеалом, или всеединство.

Л. П. Карсавин, таким образом, отвергает взгляд на исторический процесс как последовательное прогрессивное движение общества, которое может быть изображено на одной прямой, утверждая идею равнозначности всех его компонентов²⁰³. Ведь каждый такой элемент есть проявление всеединого субъекта, любая форма существования которого уникальна и одинаково ценна²⁰⁴. Соответственно, всякое проявление культуры ценно само по себе; утверждения о первенстве той или иной культуры не могут быть истинными. Направление исторического процесса к идеальному состоянию

²⁰¹ Там же. С. 213.

²⁰² Там же.

²⁰³ Карсавин Л. П. Введение в историю. (Теория истории). Пг., 1920. С. 8.

²⁰⁴ Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993. С. 226.

не линейно. Напротив, идеал полностью охватывает его, поэтому каждый компонент истории стремится к собственной “усовершенности в идеале”²⁰⁵. Это же касается и отдельной личности, однако объектом исторического процесса она быть признана не может, т.к. эта роль всецело принадлежит “коллективным личностям”, а в конечном итоге – общечеловеческому всеединству²⁰⁶.

Вместе с тем возникает закономерный вопрос о месте и значении личности в историческом процессе. Л. П. Карсавин отмечает сложившуюся в современной ему науке историографическую особенность: исследователи, основывающиеся на понятиях “изменения и причинности”²⁰⁷, как правило, не придают какого-либо самостоятельного значения личности как действующему в истории субъекту; но в то же время роль “личностей коллективных”²⁰⁸ в историческом процессе кажется им определяющей. Объяснение тому видится в ставшем уже привычным обезличивании отдельных индивидуумов, совокупность которых чаще всего представляется серой массой, и, наоборот, перенесении личностных черт на такие категории, как сословия и классы.

Несмотря на то, что ряд учёных-представителей историко-филологического факультета, чьё научное творчество оказало значительное влияние на формирование историософской и теоретико-методологической специфики петербургской университетской школы, отнюдь не ограничивается рассмотренными выше исследователями, представляется, однако, возможным на основе проведённого анализа их творчества составить вполне определённое представление о характерных особенностях развития философии, теории и методологии истории на рубеже XIX-XX вв. в рамках данного факультета. Прежде стоит отметить, что выполнение указанной

²⁰⁵ Там же. С. 247.

²⁰⁶ Там же. С. 265.

²⁰⁷ Там же. С. 311.

²⁰⁸ Там же.

задачи затруднено дифференцированным видением историософских и теоретико-методологических проблем, с одной стороны, среди представителей различных направлений научного знания (т.е. среди историков и филологов), а с другой – внутри каждого из этих направлений. Тем не менее, характерным для исследователей историко-филологического факультета стало:

- поиски закономерностей в истории;
- критика идеи абсолютной предопределённости хода исторического процесса;
- рост внимания к роли личности в истории и попытки её переоценки;
- взгляд на общество как психосоциальное явление;
- акцент на исследовании культурной составляющей жизни социума;
- представление о ценности любых форм человеческой культуры;

Признание учёными-историками первостепенной важности сбора, анализа и работы с источниковой базой в процессе научного исследования являлось отражением особенности, свойственной петербургской школе в целом. В свою очередь, обращение представителей историко-филологического факультета к достижениям европейской философской мысли обуславливало значительное идейное влияние последней на трансформацию их научных концепций.

§ 2. Восточный факультет

Происходившие в петербургском научном сообществе на рубеже XIX-XX вв. историософские и теоретико-методологические поиски отразились и

на творчестве учёных-представителей восточного факультета. Становившееся очевидным несоответствие реалиям времени прежних научно-исследовательских подходов имело своим следствием кардинальное переосмысление востоковедами всей господствовавшей ранее научной традиции. Внешним отражением данного процесса стало обращение российских учёных, прежде всего, к достижениям немецкой философской мысли, искавшей в это время ответы на схожие философские и теоретические вопросы. Однако осмысление его внутреннего содержания требует непосредственного обращения к научным трудам петербургских востоковедов, сквозь призму которых становится возможным проследить ход развития обозначенного явления.

В частности, особого внимания заслуживает наследие Сергея Фёдоровича Ольденбурга (1863-1934), чья научная деятельность на факультете восточных языков проходила в 1889-1900 гг. (в 1889-1897 гг. учёный занимал должность приват-доцента, а в 1897-1900 гг. – экстраординарного профессора на кафедре санскритской словесности)²⁰⁹.

В своих трудах выдающийся российский востоковед рассматривал извечную проблему соотношения таких понятий, как Восток и Запад, анализировал наметившийся в современную ему эпоху перелом не только в восприятии каждого из двух “миров”, но и в представлении об их взаимодействии. Данная тенденция “подготовлялась уже давно, но лишь мировая война и наша революция так ускорили темп перемены, что мы в праве говорить о совершенно новых взаимоотношениях Востока и Запада”, – заключает С. Ф. Ольденбург²¹⁰.

Учёный отрицает возможность существования каких бы то ни было значительных расхождений между западными и восточными народами на наиболее ранних этапах их исторического развития, которые могли бы стать

²⁰⁹ Переписка С. Ф. Ольденбурга с попечителем учебного округа о назначении его и. о. экстраординарного профессора // РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 1396. Л. 1-13.

²¹⁰ Ольденбург С. Ф. Восток и Запад // Запад и Восток: сборник Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. Книга первая и вторая. М., 1926. С. 14.

основанием для изложенного выше противопоставления. Своими корнями же оно восходит к древнегреческой цивилизации, которая первой вошла в соприкосновение с неведомой прежде Западу культурой²¹¹. Отмечая недостаточную изученность факторов, разделивших историческую судьбу западных и восточных народов, С. Ф. Ольденбург ограничивается лишь признанием самого обстоятельства их разнонаправленности, которая с течением времени становилась всё более явной. При этом распространённую мысль о “качественной” (а не “количественной”) несхожести двух начал нельзя признать истинной: считая, что “вопрос о Востоке и Западе исторически должен быть пересмотрен”, результатом “окажется, что и в прежнее время по существу эта разница была гораздо меньше, чем мы себе это представляли”²¹². Тесное культурное и политическое взаимодействие народов западной и восточной цивилизаций берёт своё начало с самого их разделения на таковые и красной нитью проходит через всю античность и средневековье. Причём связь эта имеет ярко выраженный двусторонний характер, в результате чего происходит взаимопроникновение ценностей Востока и Запада²¹³. Формирование в Новое время самостоятельной научной дисциплины, главным объектом исследования которой становится феномен Востока во всех его проявлениях, приводит к кардинальным изменениям в общественном сознании западных народов. Именно в это время устанавливается “взгляд на Восток как на низший по своей культуре мир”²¹⁴: к этому неизбежно приводило политическое и экономическое усиление

²¹¹ Ольденбург С. Ф. Новая встреча Востока и Запада через тысячелетия // Ариаварта. СПб., 1999. № 3. С. 5.

²¹² Ольденбург С. Ф. Восток и Запад // Запад и Восток: сборник Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. Книга первая и вторая. М., 1926. С. 15.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Там же. С. 16.

Запада, сопровождаемое к тому же его неоспоримым первенством в научном знании²¹⁵.

Учёный, однако же, не считает исторический путь западных народов единственно верным. Достижения Запада, перед которыми поклонялся мир вплоть до 1914 г., привели в итоге человечество к самой кровопролитной и крупномасштабной (на тот момент) войне в истории. Следствием конфликта, а также последующих за ним революционных потрясений, стало переосмысление формировавшегося в течение веков восприятия Востока. Вслед за волной национализма дали о себе знать интернационалистические движения. С. Ф. Ольденбург подчёркивает следующую современную ему тенденцию: “мы начинаем понимать, что как и теперь, так и всегда сила соединения была в человечестве сильнее, чем сила обособления и разъединения, потому что в трудной борьбе с природой” человеку “совершенно необходимо объединение”²¹⁶.

Связывая исторический процесс с естественной средой, в которой он совершается, учёный склоняется к мысли об определяющей роли последней на социальное, политическое, духовное развитие общества. Воздействие это находится в обратной зависимости от степени развития социума: чем более народ прогрессивен, тем в меньшей степени сказывается географический фактор; чем менее народ развит, тем активнее он подстраивается под внешнюю среду²¹⁷.

С. Ф. Ольденбург указывает на необходимость налаживания равноправных отношений с восточными народами. Тем более, что последние окончательно встали на путь независимости, а значит отныне прежняя ситуация их угнетения не может быть возвращена вспять. Путь к установлению равноправных связей “лежит через знание страны, через

²¹⁵ Ольденбург С. Ф. Новая встреча Востока и Запада через тысячелетия // Ариаварта. СПб., 1999. № 3. Там же.

²¹⁶ Там же. С. 7.

²¹⁷ Там же. С. 8.

знание языков”²¹⁸. Отношение к языку, по мнению исследователя, может как способствовать, так и препятствовать данному стремлению²¹⁹. В последнем случае причиной тому может быть, например, незнание или угнетение национального языка. Подобная почва весьма благоприятна для роста националистических отношений, которые ещё больше замыкают народ внутри себя. Особую позицию при этом, по мнению учёного, будет занимать Россия²²⁰: одновременно близкая обеим цивилизациям²²¹, не разделяющая мнения западных народов о первенствующем своём положении, она должна будет стать связующим звеном между “центром” и “периферией”. Это подтверждается тем, что “союз республик уже в известной мере осуществил западно-восточное объединение”²²².

Иную форму философия, теория и методология истории приобрела в творчестве Николая Яковлевича Марра (1865-1934), ученика В. Р. Розена. Получивший образование в Петербургском университете исследователь продолжил работать в нём в 1891-1933 гг., в 1891-1900 гг. занимая должность приват-доцента, в 1900-1902 гг. – экстраординарного профессора, в 1902-1916 гг. – ординарного профессора на кафедре армянской и грузинской словесности, пребывая в должности декана в 1911-1919, а параллельно с 1916 по 1933 г. – в должности заслуженного профессора²²³.

Исследователь активно занимался проблемами происхождения и развития языка как культурного феномена. Первоначальный интерес учёного

²¹⁸ Ольденбург С. Ф. Восток и Запад // Запад и Восток: сборник Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. Книга первая и вторая. М., 1926. С. 17.

²¹⁹ Ольденбург С. Ф. Новая встреча Востока и Запада через тысячелетия // Ариаварта. СПб., 1999. № 3. С. 9.

²²⁰ Ольденбург С. Ф. Восток и Запад // Запад и Восток: сборник Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. Книга первая и вторая. М., 1926. Там же.

²²¹ Ольденбург С. Ф. Новая встреча Востока и Запада через тысячелетия // Ариаварта. СПб., 1999. № 3. С. 6.

²²² Там же. С. 13.

²²³ Формулярный список о службе Н. Я. Марра // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16330. Л. 334-352.

к изучению языков, распространённых на Кавказе, позднее распространился также на древние языки, так и не познавшие письменной культуры: “как в мире растительном существуют пережиточные виды, открываемые натуралистами в отброшенных от культурных районов или центров горных местах, так в ущельях и у склонов трёх горных стран: 1) с юга Памира, 2) на Кавказе, 3) у Пиренеев сохранились реликтовые виды человеческой речи”²²⁴. Совокупность древних кавказских языков учёный объединил в категорию так называемых “яфетических”, подчёркивая таким образом их родство с семито-хамитской языковой семьёй²²⁵.

Процесс выработки собственного учения о языке сопровождался для Н. Я. Марра методологическим кризисом: учёный понимал, что выдвинутые современной ему наукой задачи не могут быть реализованы на основе прежней методологии²²⁶. Одновременно научные поиски востоковеда проходили на фоне теоретических и методологических противоречий университетских школ Москвы и Петербурга. Сравнительно-исторический метод, господствовавший на рубеже веков среди московских учёных, ограничивал их исследования, не позволяя выходить за пределы собственно языкознания. Позиция же Н. Я. Марра, как представителя петербургских исследователей, основывалась на представлении об определяющем значении языка в культурном и социальном взаимодействии членов общества, изучение языка ставилось в тесную связь с анализом его истории²²⁷. Данную концепцию можно выразить следующим образом: язык создаётся социумом, а значит отражает в себе его уникальные черты; неповторимый облик социума является прямым отражением его неповторимой культуры, а роль языка в

²²⁴ Марр Н. Я. О происхождении языка // Марр Н. Я. Основные вопросы языкознания. Избранные работы. Т. 2. М.; Л., 1936. С. 182.

²²⁵ Там же.

²²⁶ Алпатов В. М. Марр, марризм и сталинизм // Философские исследования. 1993. № 4. С. 274-275.

²²⁷ Шилков Ю. М. Яфетическая философия языка Н. Я. Марра // Вече. Альманах русской философии и культуры. Вып. 16. СПб., 2004. С. 74.

развитии последней является наиважнейшей. Т.е. личность формирует язык, а язык формирует личность. Исследование языка ввиду этой двусторонней связи не представлялось возможным в рамках одного лишь языкознания, приобретая, таким образом, интердисциплинарный характер.

В итоге, избранная Н. Я. Марром методология лингвистического исследования, основанная на палеолингвистическом анализе языка, знаменовала собой кардинальную смену научных парадигм в отечественном языкознании. Предложенная учёным теоретическая концепция противоречила давно устоявшимся законам лингвистики, базирующимся на сравнительно-историческом методе, что повлекло за собой крайне негативную её оценку со стороны научного сообщества. Дополнительным ударом по лингвистической компаративистике конца 1910-х – начала 1920-х гг. стал устойчивый рост влияния в российском языковедении марксизма, в котором находили внутренний отклик многие уже сложившиеся к этому времени в среде петербургских исследователей идеи, в частности - представление о языке как психосоциальном феномене. Данное обстоятельство в союзе с разочарованием в возможностях сравнительно-исторической лингвистики предопределило поддержку Н. Я. Марром марксистской концепции происхождения и развития языка, которой суждено было стать новой вехой в истории отечественного языкознания²²⁸.

Центральным звеном в новом учении о языке Н. Я. Марра стал вопрос о происхождении языка как феномена культуры. Учёный предложил уникальную для своего времени гипотезу исторической направленности глоттогенеза, объяснявшую множественность языков с позиций, диаметрально противоположных господствовавшей ранее лингвистической традиции²²⁹. Согласно данной концепции, языковая дифференцированность человечества объясняется отнюдь не разветвлением существовавших на заре

²²⁸ Марр Н. Я. Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории // Марр Н. Я. Язык и общество. Избранные работы. Т. 3. М.; Л., 1934. С. 73.

²²⁹ Марр Н. Я. Основные достижения яфетической теории // Марр Н. Я. Этапы развития яфетической теории. Избранные работы. Т. 1. М.; Л., 1933. С. 200.

цивилизации общих праязычных форм²³⁰. Напротив, именно крайнее разнообразие форм языковой коммуникации является наиболее естественным состоянием на ранних этапах исторического процесса. Формирование их в виде отдельных языков происходило локально, вне взаимодействия с другими, подобными себе образованиями. Распространённая ранее тенденция к объединению языков в группы и семьи по принципу общности их происхождения была, согласно яфетической теории, изначально ошибочной. Исторически процесс глоттогенеза протекал в обратном направлении: появление новых языков сопровождалось смешением множества более ранних языковых форм, в результате чего сразу несколько из них сходили с исторической арены, уступая место уже лишь одному, новому языку как комбинации языковых элементов его предшественников. Закономерным следствием идеи непрерывного сокращения численности древних и появления на их месте меньшего числа новых языков стала мысль о неминуемом окончательном объединении всех известных на данный момент языковых форм во всемирный, общий для всех народов язык²³¹.

Другим немаловажным постулатом яфетической теории является мысль о тесной взаимосвязи мышления и языка²³². Осознанность своей деятельности присуща лишь человеку. В свою очередь, способность к осознанию подразумевает наличие у индивидуума мышления. Последнее представляет собой, по мнению Н. Я. Марра, осознание социумом совершаемой им самим производственной деятельности и связанных с ней отношений²³³. Язык же есть коллективное обнаружение осознания социума “в оформлении и объёме”, исходящим из способа мышления и разделяемой

²³⁰ Марр Н. Я. Общий курс учения об языке // Марр Н. Я. Основные вопросы языкознания. Избранные работы. Т. 2. М.; Л., 1936. С. 32.

²³¹ Там же. С. 24.

²³² Марр Н. Я. Язык и мышление // Марр Н. Я. Язык и общество. Избранные работы. Т. 3. М.; Л., 1934. С. 121.

²³³ Там же. С. 112.

идеологии²³⁴. Следовательно, можно сделать вывод об отношении языка (согласно марксистской концепции исторического процесса) к надстройке общества, т.к. развитие языковой коммуникации совершается в процессе воздействия на неё существующей системы производства. Доказательством тому служат фиксируемые в языке трансформации, связанные с эволюцией базиса. Т.е. значение языка как компонента исторического процесса всегда подчинённое. С другой стороны, язык всеобъемлющ, т.к. он неизбежно соприкасается с любой формой деятельности социума, что даёт право утверждать о влиянии языка на все сферы общества, относящиеся к его надстройке. Иными словами, язык как фактор исторического развития должен восприниматься как инструмент, посредством которого совершаются изменения в надстройке после соответствующих трансформаций в базисе.

Ввиду того, что формирование и естественное усложнение языка параллельно сопровождается эволюцией сознания его носителей, учёный отрицал концепцию биологической детерминированности языковой коммуникации²³⁵. Форма последней напрямую зависит от уровня социально-культурного развития общества. Данное обстоятельство во многом объясняет обращение Н. Я. Марра к поиску корреляции между языковыми формами и внеязыковыми явлениями. Производимое посредством палеонтологического метода исследование языка привело учёного к мысли о стадийном характере его эволюции²³⁶. При этом степень развития языка соответствует ступени эволюции, которую в данный момент занимает социум. Указанная закономерность универсальна, она может одновременно наблюдаться у носителей различных языков. Однако, на какой бы стадии своего развития ни находилось то или иное общество, в используемом им языке неизбежно будут сохраняться рудименты, унаследованные от предшествующих эпох (в том

²³⁴ Там же.

²³⁵ Десницкая А. В. Н. Я. Марр и задачи исторического языкознания // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. VIII. Вып. 5. М., 1949. С. 467-468.

²³⁶ Алпатов В. М. Марр, марризм и сталинизм // Философские исследования. 1993. № 4. С. 273.

числе и отголоски отстаиваемой Н. Я. Марром в его теории небезызвестной системы базовых для каждого языка четырёх элементов).

В ряду петербургских востоковедов, чья научная деятельность также оказала значительное влияние на развитие философии, теории и методологии истории в России, следует упомянуть Василия Владимировича Бартольда (1869-1930), работавшего на кафедре истории Востока факультета восточных языков в 1896-1919 гг. (в 1896-1901 гг. пребывая в должности приват-доцента, в 1901-1906 гг. – экстраординарного профессора, в 1906-1919 гг. – ординарного профессора), позднее, в 1919-1930 гг. в должности профессора его деятельность перемещается в ФОН²³⁷.

В. В. Бартольд в своих исследованиях придерживался заданного ещё его учителем – В. Р. Розеном, - научного подхода (основной идеей которого была фиксация фактической базы с последующим критическим её анализом), оттачивая и углубляя важнейшие его теоретические и методологические основы. Отражением этого стала склонность учёного к детальному исследованию источникового материала, соотнесению различных типов источников и их научной критике²³⁸. При этом руководящим для В. В. Бартольда, как характерного представителя российской ориенталистики, выступал филологический метод исследования.

Историософские воззрения учёного основывались на представлении о тесной взаимосвязи исторического прошлого восточных народов, традиционно остававшееся на периферии научных интересов, с историей западных стран²³⁹. В. В. Бартольд аргументирует свою позицию следующим положением: без учёта достижений востоковедения немислимо построение цельной картины исторического процесса (в широком его понимании), а

²³⁷ Формулярный список о службе Василия Владимировича Бартольда // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16328. Л. 30-39.

²³⁸ Лунин Б. В. Жизнь и деятельность академика В. В. Бартольда: Средняя Азия в отечественном востоковедении. Ташкент, 1981. С. 13, 17-18.

²³⁹ Якубовский А. Ю. Проблема социальной истории народов Востока в трудах академика В. В. Бартольда // Вестник ЛГУ. 1947. № 13. С. 65.

также познание тех законов, которые этим процессом движут²⁴⁰. Продолжая традиции своего наставника, востоковед особое внимание акцентировал на изучении культуры восточных народов как уникального исторического феномена, критикуя прежний европоцентристский подход, в результате которого “азиаты утрачивают свои характерные черты и превращаются в европейцев”²⁴¹. Другим объектом критики учёного стал расовый подход, получивший столь широкое распространение в трудах европейских исследователей. Любые попытки обосновать смысл и законы истории народов Востока на подобной основе не могут соответствовать действительности²⁴². Гипертрофированный взгляд на развитие восточных народов исключительно сквозь призму религиозного фактора также должен быть отвергнут²⁴³.

Важность подобного подхода обосновывалась не до конца ещё оценённым культурным воздействием Востока на историю Запада, ведь фактически учёный столкнулся с практически полным отсутствием полноценных исследований по истории интересующего его района, использующих в качестве теоретической базы привычные при изучении европейских народов законы и константы, в которых бы широко применялся историко-сравнительный метод. Этим во многом объясняется интерес В. В. Бартольда к поиску глубинных закономерностей в истории восточных народностей. Во главу угла ставился фактор их культурного взаимодействия:

²⁴⁰ Бартольд В. В. Иран. Исторический обзор // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 7. Работы по исторической географии и истории Ирана. М., 1971. С. 293.

²⁴¹ Бартольд В. В. Речь перед защитой диссертации // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М., 1963. С. 605.

²⁴² Бартольд В. В. Иран. Исторический обзор // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 7. Работы по исторической географии и истории Ирана. М., 1971. С. 251.

²⁴³ Там же. С. 240.

динамику историческому процессу придаёт, прежде всего, культурный обмен между обществами, стоящими на разных ступенях развития культуры²⁴⁴.

Мало исследованная историософская позиция востоковеда вызывает противоречивые оценки его взглядов. Проблема усугубляется также тем, что сам В. В. Бартольд не оставил сколько-нибудь полного изложения своей историко-теоретической концепции. Однако несомненным остаётся акцент исследователя на внутренней истории социума, происходящих внутри него общественных движениях (данный вопрос нашёл своё отражение в целом ряде работ учёного²⁴⁵) и социальных противоречиях²⁴⁶. Следствием последних является сначала появление, а затем и постепенное усложнение институтов власти, которые призваны регулировать и предотвращать подобные потрясения. Так, анализируя особенности исторического развития кочевых народов, В. В. Бартольд отмечает, что “только в эпоху кочевого быта принимает значительные размеры имущественное неравенство и появляется классовая борьба в её первоначальном виде – в виде борьбы между имущими и неимущими; под влиянием, вероятно, классовой борьбы создаётся правительственная власть, военное и политическое могущество”²⁴⁷.

Другой немаловажной областью для исследования является социальная составляющая исторического развития. Несмотря на то, что его вектор, как правило, задаётся политикой, внутреннее содержание, “характер” социума является прямым отражением его социокультурных особенностей. Отсюда

²⁴⁴ Якубовский А. Ю. Проблема социальной истории народов Востока в трудах академика В. В. Бартольда // Вестник ЛГУ. 1947. № 13. С. 79.

²⁴⁵ См.: Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М., 1963. С. 531-584; Бартольд В. В. К истории крестьянских движений в Персии // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 7. Работы по исторической географии и истории Ирана. М., 1971. С. 438-450.

²⁴⁶ Петрушевский И. П. Академик В. В. Бартольд // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М., 1963. С. 28.

²⁴⁷ Бартольд В. В. Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 1968. С. 471.

важность изучения не только языка, необходимое для работы с подлинными источниками, но и истории, быта, религии изучаемого народа²⁴⁸. В частности, В. В. Бартольд придерживался взгляда на столкновение ведущих религиозных течений (зороастризма, манихейства и пр.) в государствах исследуемого им региона как на важнейшее проявление их взаимоотношений.

Идентифицируя историко-теоретические взгляды В. В. Бартольда с тем или иным научным направлением, можно сделать вывод об их несовместимости, прежде всего, с позициями Баденской (Фрайбургской) школы. Утверждая, что как на Западе, так и на Востоке действуют аналогичные друг другу исторические законы, учёный фактически отвергал европоцентризм в изучении истории отдельных народов.

Подводя итог, можно заключить, что анализ трудов петербургских востоковедов позволяет сформировать представление о специфике их историософских и теоретико-методологических взглядов, выявить ряд общих закономерностей, связывающих выдвинутые ими концепции, в частности:

- взгляд на исторический процесс сквозь призму взаимоотношений народов Запада и Востока;
- представление о превалирующем значении культурного взаимодействия в истории;
- мысль о важности изучения, прежде всего, языка исследуемого народа, а также иных феноменов культуры;
- идея существования общих для Востока и Запада законов.

Несмотря на различие методологических подходов, используемых указанными исследователями, в их творчестве прослеживается общая тенденция, характеризующая особенность петербургской университетской школы в целом, что находит своё отражение в преимущественном их внимании к источнику.

²⁴⁸ Лунин Б. В. Жизнь и деятельность академика В. В. Бартольда: Средняя Азия в отечественном востоковедении. Ташкент, 1981. С. 21.

Несомненным также остаётся воздействие внешних факторов на формирование мировоззрения российских востоковедов, прежде всего - достижений европейской философской мысли. Изменение же социально-политического контекста, в частности - начавшаяся в 1914 г. мировая война, лишь укрепляли уже сложившиеся взгляды учёных (например, о несостоятельности идеи европоцентризма и необходимости равноправного взаимодействия с народами Востока).

§ 3. Юридический факультет

Формирование по-настоящему целостной картины философии, теории и методологии истории как в рамках петербургской университетской школы, так и российской науки в целом невозможно без анализа творчества специалистов в области права. Конец XIX века оказался важной вехой в истории юриспруденции, которая не могла оставаться в стороне от происходящих в научном знании процессов. В трудах российских юристов оказался запечатлён кризис господствовавшего прежде научного подхода, что отразилось на распространении в среде учёных новых философских течений (неокантианства, а позднее – марксизма). Всё очевиднее становился устойчивый рост их внимания к социологии, широкому использованию достижений юриспруденции, а также их попытки на основе права создать собственную картину исторического процесса.

В частности, данная тенденция нашла своё отражение в творчестве Александра Дмитриевича Градовского (1841-1889). Вскоре после окончания Харьковского университета учёный продолжил свою исследовательскую деятельность в Петербурге. Работая в столичном университете в 1866-1889 гг., учёный занимал сначала должность преподавателя (1866-1867), затем – приват-доцента (1867-1868), экстраординарного профессора (1868-1869), ординарного профессора (1869-1889) и, наконец, заслуженного профессора (1889) на кафедре государственного права юридического факультета²⁴⁹.

Влияние правовой традиции Рима на формирование историософских взглядов А. Д. Градовского обусловило его интерес к системе права

²⁴⁹ Формулярный список о службе А. Д. Градовского // РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 414. Л. 37-52.

европейских народов – естественных исторических преемников античной правовой системы. Формирование собственной теоретической позиции правоведа происходило на фоне разногласий между приверженцами правовой концепции гегельянства и последователями школы права Г. Гуго и Ф. Савиньи. Одно из центральных мест в трудах учёного занимал вопрос о сущности и генезисе государства. А. Д. Градовский констатировал: “определения сущности государства до настоящего времени неудачны, как все попытки определить сущность учреждений и явлений, в основе которых лежит абсолютное понятие”²⁵⁰. Историзм научных взглядов учёного обусловил его представления о государственном организме как непрерывно развивающейся системе, последовательно проходящей через определённые этапы развития. Выдвинутая учёным теория исторического процесса пронизана идеей прогрессивного развития социума от простейших к более совершенным формам общественной организации. Движущим фактором данного процесса является, прежде всего, постепенно усложняющаяся специализация общественного труда, являющаяся необходимым условием трансформации социальной организации в целом²⁵¹. Дифференциация трудовой деятельности в рамках того или иного социума знаменует собой переход его в государственное состояние, характерное, в первую очередь, для земледельческих сообществ. Данный тип общественной организации (в сравнении с коллективами кочевников и скотоводов) характеризуется гораздо более сложной системой производства, которая и вызывает появление необходимых для существования государства предпосылок, как то: разделение общества на социальные группы, занятые в разных сферах производства; наличие постоянных связей между ними, а следовательно и экономики и др. Вместе с тем возникает потребность правового регулирования складывающейся системы. Зачатки государственности, по

²⁵⁰ Градовский А. Д. Вступительная лекция по государственному праву, читанная в С.-Петербургском университете А. Градовским, 10 октября 1866 года // Градовский А. Д. Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1899. С. 3.

²⁵¹ Там же. С. 18.

мнению А. Д. Градовского, имели место и в предшествующих, дофеодалных стадиях общественного развития, однако их сильная взаимосвязь не позволяла в должной мере раскрыться заложенному в них потенциалу. Государство, таким образом, “складывается из суммы организаций, совокупности властей разного рода, существующих прежде него в обществе, - складывается уже в то время, когда каждый из этих элементов достаточно выяснился, когда каждому из них приблизительно указано его место в обществе”²⁵².

Процесс государствообразования является закономерной вехой в истории каждого социума, а также свидетельством его готовности претендовать на равное с другими государствами историческое существование. На данном этапе своего развития народ начинает именоваться нацией²⁵³. Национальные государственные образования, существование которых есть следствие действия закономерностей в истории, неминуемо подчиняются им и в процессе своего развития. Анализ позиции А. Д. Градовского позволяет проследить определённое влияние немецкой классической философии на выдвинутую им концепцию: феномен государственности, в свою очередь, является внешним выражением достижения социальным объединением наиболее развитых форм, в рамках которых соединяются воедино прежде разрозненные функциональные элементы общества. Именно благодаря государству и посредством государства становится возможным выражение собственной воли личностями, данный социум составляющими. “Общество переносит на представителей государства все те свойства, которые требуются предписаниями высшего нравственного закона”, а “государство представляется <...> олицетворением всех нравственных инстинктов

²⁵² Там же. С. 12.

²⁵³ Там же.

человечества”²⁵⁴. Важно при этом учитывать, что для каждого исторического периода существуют свои нравственные установки. Поэтому государство должно ориентироваться исключительно на современную ему нравственную систему²⁵⁵.

А. Д. Градовский, таким образом, отстаивает мысль о воспитании как основной функции государственного организма. Прогресс любого общества зависит, прежде всего, от его нравственных основ. Всякое государство призвано развивать эти начала. Следовательно – прогрессивность данного института заложена в самой его сути²⁵⁶. Важно отметить, что отдельные индивидуумы в состоянии существовать независимо от распространённых в данный момент нравственных идей, в отличие от государства, обречённого без них на неминуемую гибель. Отсутствие нравственной основы неизбежно лишает государственный организм возможности двигаться по пути прогресса: взамен этого происходит либо замещение её новыми ценностными ориентирами, либо угасание самой государственности²⁵⁷.

Подобные размышления учёного иллюстрируют неприятие им теории органического развития. В подкрепление своей позиции А. Д. Градовский выдвигает простой, но вполне закономерный вопрос: “Почему один народ отличается от другого?”²⁵⁸. Ведь если, согласно упомянутой теории, вектор деятельности того или иного государства складывается в соответствии с интересами и потребностями отдельных личностей, образующих данный социум, почему тогда (учитывая, что различия между индивидуумами при всём многообразии окружающих их условий не столь велики) можно

²⁵⁴ Градовский А. Д. Политические теории XIX столетия. Государство и прогресс // Градовский А. Д. Собрание сочинений. Т. 3. СПб., 1899. С. 79.

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ Там же. С. 80.

²⁵⁷ Градовский А. Д. Мечты и действительность. (По поводу речи Ф. М. Достоевского) // Градовский А. Д. Собрание сочинений. Т. 6. СПб., 1900. С. 380.

²⁵⁸ Градовский А. Д. Политические теории XIX столетия. Государство и прогресс // Градовский А. Д. Собрание сочинений. Т. 3. СПб., 1899. С. 81.

наблюдать столь грандиозное разнообразие путей исторического развития отдельных наций? Чем может объясняться первенство одних и подчинённость других народов? Органическая теория не в состоянии разрешить данное противоречие. Неясным остаётся и то, как из множества целей отдельно взятых личностей выдвигается на первый план некий усреднённый их вариант, который, ввиду этой нивелировки, в то же время перестаёт соответствовать интересам каждого индивидуума, параллельно сохраняя свою актуальность для общества, которое будет этот средний путь отстаивать²⁵⁹. Выдвинутая А. Д. Градовским концепция, рассматривающая явление дифференциации наций как следствие несхожести отстаиваемых ими нравственных целей, в противоположность взгляду об определяющем значении интересов личностей в их совокупности, во многом объясняет разнообразие возможных путей исторического развития государственности, тогда как теория органического развития не в состоянии объяснить сам факт выбора тем или иным обществом собственной уникальной формы государственного устройства.

Анализ исторического развития национальностей, обусловленного господствующей в них в данный момент нравственной идеей и общественными целями, позволяет объединить их в группы – цивилизации. Общества, составляющие цивилизацию, как правило, объединены единым или сходным идеалом, в достижении и реализации которого они одинаково заинтересованы²⁶⁰. Однако цивилизация, являясь на порядок более сложной системой в сравнении с образующими её национальностями, не может быть признана заключительной стадией в истории развития национальностей. Чаще всего подобная роль принадлежит так называемым “всемирным монархиям”²⁶¹. Их существование сопровождается наиболее грандиозными

²⁵⁹ Там же. С. 82.

²⁶⁰ Градовский А. Д. Политические теории XIX столетия. Парламентаризм во Франции // Градовский А. Д. Собрание сочинений. Т. 3. СПб., 1899. С. 212.

²⁶¹ Там же. С. 211.

историческими процессами и событиями. Всемирные монархии затмевают и одновременно захватывают и подчиняют своему влиянию все прочие народы, прямо или косвенно оказывающиеся под их влиянием. В результате происходит коренное переустройство сложившегося миропорядка: имеет место переориентирование отдельных национальностей на иные цивилизации в силу несоответствия прежних идеалов реалиям времени; уходят в прошлое устаревшие ценностные установки и олицетворяющие их государственные образования²⁶². Однако за столь стремительными переменами неизбежно следует столь же стремительный закат всемирных монархий.

Соответственно, степень развитости государства и занимаемое им место в конгломерате других народов определяется развитостью отстаиваемой им морально-нравственной системы ценностей. При этом можно зафиксировать определённую градацию последних на: 1) наиболее общие, характерные для всей совокупности народов-представителей той или иной цивилизации; 2) частные, свойственные исключительно данной народности и нигде более не встречающиеся; 3) зависимые от конкретных исторических условий, являющиеся прямым отражением текущей эпохи: именно несоответствие лежащего в основе общества морально-нравственного начала духу времени предопределяет упадок всей государственной системы²⁶³.

Идеи и задачи государства, задающие вектор его исторического развития, проявляются в процессе деятельности государственных институтов, однако сама эта деятельность есть отражение действующих в социуме юридических законов. Нормы права фиксируют морально-

²⁶² Градовский А. Д. Социализм на Западе Европы и в России // Градовский А. Д. Собрание сочинений. Т. 3. СПб., 1899. С. 381-382.

²⁶³ Там же.

нравственные принципы общества в качестве высшего авторитета²⁶⁴. Поэтому “ближайшею целью государства является поддержание юридического порядка; этот порядок есть благо сам по себе и условие для достижения других благ”²⁶⁵.

Представителем сообщества учёных-юристов позитивистского направления в отечественной науке стал выпускник Московского университета Василий Иванович Сергеевич (1832-1910), чья научная деятельность в 1872-1907 гг. проходила на юридическом факультете Петербургского университета в должности профессора (1872-1893) и заслуженного профессора (1893-1907) на кафедре русского права. В 1888-1897 гг. В. И. Сергеевич избирался деканом факультета, а в 1897-1899 занимал должность ректора²⁶⁶.

В своей докторской диссертации “Задача и метода государственных наук” (1871) учёный изложил основные постулаты своей концепции. Знаменовав этим фундаментальным трудом кардинальную смену методологического подхода в современной ему юридической науке, В. И. Сергеевич последовательно разбирает и критикует в нём предшествующую научную традицию. Отмечая, что “самое видное место по широкому распространению в литературе бесспорно принадлежит методу рационалистической”²⁶⁷, основанной на учении Иммануила Канта, учёный видит постепенный её закат. Причём, как отмечает В. И. Сергеевич, “умаление её влияния идёт параллельно с усилением влияния исторической

²⁶⁴ Градовский А. Д. Вступительная лекция по государственному праву, читанная в С.-Петербургском университете А. Градовским, 10 октября 1866 года // Градовский А. Д. Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1899. С. 16.

²⁶⁵ Градовский А. Д. Государственное право важнейших Европейских держав. Т. 1. // Градовский А. Д. Собрание сочинений. Т. 4. СПб., 1900. С. 25.

²⁶⁶ Формулярный список о службе В. И. Сергеевича // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16331. Л. 263-279.

²⁶⁷ Сергеевич В. И. Задача и метода государственных наук: очерки современной политической литературы. М., 1871. С. 53.

школы”²⁶⁸. Объектом его критики становится один из главных постулатов немецкой классической философии – представление о некоем “высшем, сверхопытном начале”, вне которого “всякие суждения о человеческих действиях, которые не отправляются от априорных начал и основаны на опыте <...> могут повести только к грубейшим и опаснейшим ошибкам”²⁶⁹. Данное заблуждение приводит лишь к искажению действительности, представляющей собой куда более дифференцированную и сложную систему (к тому же непрерывно трансформирующуюся с течением времени). В этом В. И. Сергеевич видит основание для сомнения в целесообразности следования в русле идей кантианства: ведь “нет возможности найти даже двух государств, потребности которых были бы совершенно сходны, народы которых не разнились бы между собой по степени развития, характеру своих национальных стремлений и пр.”²⁷⁰. Поэтому создание какой бы то ни было универсальной системы права учёному не представляется возможным.

Не менее категорична оценка В. И. Сергеевичем философии права, имеющей в основе своей гегельянство. Признавая прогрессивность стремления Г. Гегеля сформировать не идеальное государство, в отличие от И. Канта, а проанализировать действительное его состояние, правовед однако же разочаровывается в используемой при решении данной задачи “диалектической методы”: “намерение Гегеля так и осталось намерением”²⁷¹.

Концепция В. И. Сергеевича основывается на мысли о тесной связи между государством и социумом. В этой связи становится понятным его требование всестороннего анализа области права, не только его юридической составляющей, но и культурных, социальных, политических и др. аспектов, что подразумевает привлечение соответствующей методологии. В наибольшей степени подходу В. И. Сергеевича отвечала позитивистская

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ Там же. С. 55-56.

²⁷⁰ Там же. С. 9-10.

²⁷¹ Там же. С. 70.

парадигма. Развивая идеи О. Конта, правовед видит задачу юриспруденции в максимально возможном раскрытии “связи, существующей как между явлениями одновременными, так и следующими одно за другим в порядке времени”, в раскрытии “рода и степени влияния одного явления на другое и в конце концов [выведении законов] как сосуществования, так и преемства явлений”²⁷².

Признавая, таким образом, существование закономерностей в развитии социума, а также вытекающее из их сосуществования взаимовлияние, В. И. Сергеевич замечает их тенденцию “прийти к одному знаменателю”²⁷³. Не являются исключением и отношения государственных и социальных институтов (а также общества в целом). Данное умозаключение объясняет возникающие порой острые противоречия между одновременно существующими в рамках одной системы государственными “феноменами”, взаимоисключение одних другими или, наоборот, невозможность нормального функционирования части из них вне симбиоза с другими. С другой стороны, немаловажно значение внешнего фактора: “что возможно в одном месте и при одних условиях, то невозможно при изменённых обстоятельствах”²⁷⁴. Форма существующих на данный момент социальных феноменов во многом определяется исторически предшествующими институтами, наиболее близкими им по своей сути.

Рассуждая о методологии “государственных наук”, В. И. Сергеевич акцентирует особое внимание на эффективности сравнительного, индуктивного метода. Последний заключается в анализе социальных институтов и явлений по “горизонтали” (сравнение различных, параллельно существующих общественных феноменов) и по “вертикали” (соотнесение хронологически следующих друг за другом социальных институтов в рамках одной общественной системы). “Такое сличение совершенно различных

²⁷² Там же. С. 34.

²⁷³ Там же. С. 185.

²⁷⁴ Там же.

форм должно повести к раскрытию необходимых условий существования всякого общества”²⁷⁵. Чем шире окажется поле исследования разнообразных “человеческих обществ <...> начиная с диких обитателей островов Тихого океана и оканчивая наиболее развитыми народами Европы”, тем более ясное представление об этих условиях будет сформировано²⁷⁶.

Из идеи исторической преемственности логически следуют представления В. И. Сергеевича о непрерывном, поступательном развитии общества. Отрицая идеалистический образ единственно верного исторического пути, правовед выдвигает свою трактовку, согласно которой прогрессивным может быть названо любое развитие социальных институтов, в любом возможном направлении, за исключением лишь регресса, возвращения к уже существовавшим ранее формам²⁷⁷. Т.е. развитие каждого общества (народа, государства и пр.) и его институтов есть его историческое развитие. А так как каждый социум по-своему уникален, то и его путь в истории также неповторим и имеет полное право на существование. Отсюда два важных вывода В. И. Сергеевич: во-первых, прогресс совершается непрерывно и повсеместно; во-вторых, прогресс имеет крайне разнонаправленный характер.

Соединение вышеизложенных теоретических воззрений В. И. Сергеевича о существовании законов, подчиняющих себе развитие социума, и о прогрессе, неизменно его сопровождающем, закономерно подводит исследователя к вопросу о месте личности в данном процессе. Проблема эта является особенно острой ввиду внешней противоречивости выдвинутой учёным исторической схемы: законосообразность в истории, казалось бы, должна исключать идею о какой бы то ни было автономности индивидуума как самостоятельно действующего актора в историческом процессе. В то же время правовед аргументирует свою позицию следующим образом: “человек

²⁷⁵ Там же. С. 206.

²⁷⁶ Там же. С. 208.

²⁷⁷ Там же. С. 188.

свободен не в том смысле, что может действовать вне зависимости от мотивов, определяющих его волю, или вне влияния на его действия того состояния его духа, которое этому действию предшествовало”, воля человека аналогично определяется предшествующими её проявлениями, но “его собственный разум есть также одно из этих предшествующих, один из мотивов, в силу влияния которого человек может оказывать сопротивление другим предшествующим и давать такое направление своей деятельности, какое ему желательно”²⁷⁸. Иными словами, индивидуум имеет свободу воли, но только в том случае, если его действия не противоречат существующим закономерностям социального развития.

Выдающимся представителем *Ecole Russe* был Максим Максимович Ковалевский (1851-1916). Бывший профессор Московского университета, один из основателей социологии в России, один из лидеров либерального движения, исследователь переехал в Петербург, где его научная деятельность проходила в 1906-1916 гг. в должности профессора на кафедре государственного права юридического факультета Петербургского университета²⁷⁹.

Начало творчества учёного хронологически совпало с устоявшимся господством в отечественной научной мысли позитивистского подхода. Несмотря на то, что со временем позитивизм обнаружил свои слабые стороны, в том числе в наиболее базовой своей идее о неизбежности и однонаправленности прогресса человечества, историко-теоретические взгляды М. М. Ковалевского не могли в полной мере освободиться от его влияния²⁸⁰. Критикуя позитивистский взгляд на эволюционный характер исторического развития общества, учёный в то же время указывал на

²⁷⁸ Там же. С. 36-37.

²⁷⁹ Формулярный список о службе Максима Максимовича Ковалевского // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16330. Л. 148-160.

²⁸⁰ Тимашев Н. С. Социологические теории Максима Ковалевского // Ковалевский М. М. Социология. Теоретико-методологические и историко-социологические работы. СПб., 2011. С. 630.

схожесть истории отдельных, никак либо мало связанных между собой народов, которым свойственны аналогичные друг другу тенденции развития: “сходство учреждений у двух или нескольких народностей имеет источником всего чаще общность их культурных условий, прохождение ими одинаковых стадий развития <...> но оно может быть и результатом унаследования сходных учреждений от общего предка, и плодом прямого заимствования”²⁸¹. Подобная позиция неизбежно подразумевает признание цельности исторического процесса, “допущения факта поступательного движения человечества и при отсталости тех или других народов, так как последние рано или поздно принуждаются к восприятию высшей культуры”²⁸². Аналогичное устройство и функционирование экономики, подобное политическое устройство и примерно равный уровень научно-культурного развития отдельных независимых друг от друга социумов, как правило, позволяет сделать вывод о том, что и на более ранних этапах истории они занимали относительно друг друга подобное же положение²⁸³.

Приведённая противоречивость взглядов учёного неизбежно налагала отпечаток на всё его творчество. В большей степени данная проблематика нашла своё отражение в его работах социологической направленности, т.к. научный интерес исследователя был сосредоточен на анализе, в первую очередь, общественных процессов. По мнению М. М. Ковалевского, целью исследователя, стремящегося познать социальные законы (а вместе с тем и законы исторические), должно стать исследование общественной ментальности параллельно с изучением структуры общества в её исторической динамике²⁸⁴, в результате чего представляется возможным обнаружить общие закономерности развития социума, а также понять

²⁸¹ Ковалевский М. М. Социология. В 2-х т. СПб., 1910. Т. 1. Социология и конкретные науки об обществе. Исторический очерк развития социологии. С. 80.

²⁸² Ковалевский М. М. Современные социологи. СПб., 1905. С. 14.

²⁸³ Ковалевский М. М. Социология. В 2-х т. СПб., 1910. Т. 1. Социология и конкретные науки об обществе. Исторический очерк развития социологии. С. 33.

²⁸⁴ Там же. С. 9.

первопричины общественных явлений²⁸⁵. Динамика в данном случае фактически отождествляется с понятием исторического прогресса, который, как считает учёный, является необходимым условием для существования всякой социальной системы²⁸⁶.

М. М. Ковалевский разделял распространённое в российской научной среде мнение, согласно которому роль “конкретных” общественных дисциплин сводится к поиску и отбору источникового материала для последующего их анализа наукой, использующей номотетический подход. “О какой бы конкретной науке об обществе мы ни заговорили, - будет ли то сравнительное языкознание, или сравнительная история <...> нам неизбежно предстоит повторить одно и то же: объяснение эволютивному процессу, происходящему в области изучаемых ими явлений, не может быть дано без содействия социологии”²⁸⁷.

Методология М. М. Ковалевского всецело определялась его теоретическими представлениями. Т.к. происходящие с течением времени изменения в социуме есть проявление его прогрессивного пути, данный процесс можно рассматривать как последовательность эволюционных этапов, которые являются следствием действия исторической закономерности²⁸⁸. В данной связи закономерен вопрос: каким образом исследовать законы исторического развития? Учёный видел выход, прежде всего, в применении историко-сравнительного метода. При этом возникал ряд важных замечаний. М. М. Ковалевский указывал на необходимость взаимосвязанности отбираемых для исследования данных, которые бы не только являлись доказательством для выдвинутого предположения или теории, но и отражали бы контекст, в котором они существуют. Весьма важным также представляется критический анализ источниковой базы, задача которого –

²⁸⁵ Там же. С. 14.

²⁸⁶ Там же. С. 59.

²⁸⁷ Там же. С. 30.

²⁸⁸ Там же. С. 32.

упорядочить связи (которые могут оказаться ложными или только внешними) между рассматриваемыми свидетельствами²⁸⁹. Исследователю, по мысли учёного, стоит воздерживаться от безосновательных выводов, которые могут повлечь за собой искажение действительности.

Таким образом, анализ творчества правоведов, чья научная деятельность проходила в Петербургском университете, позволяет выявить ряд особенностей их историософских и теоретико-методологических взглядов. Учитывая существование расхождений среди рассмотренных исследователей в отношении целого ряда вопросов, представляется возможным, однако, выявить также общие черты их мышления, а также оценить роль факторов, способствовавших формированию мировоззрения российских юристов на рубеже XIX-XX вв. Для последнего оказалось характерно представление:

- о центральной роли государства и государственных институтов в историческом процессе;
- о поэтапном, поступательном развитии государственности, а следовательно – существовании неких закономерностей в истории;
- о лежащем в основе любого государства стремления к прогрессивному развитию;
- о тесной взаимосвязи института государства с социумом, далеко выходящей за сугубо юридические рамки и отражающей морально-нравственное состояние общества.

В процессе научного исследования петербургские правоведы, как и их коллеги с других гуманитарных факультетов столичного университета были склонны уделять преимущественное внимание используемому источнику, его анализу, воздерживаясь при этом от построения недостаточно обоснованных выводов. Данная тенденция, вероятно, является свидетельством влияния на научный подход представителей юридического факультета общих традиций петербургской школы.

²⁸⁹ Там же. С. 80.

В свою очередь, на подобную форму философии, теории и методологии истории в среде российских юристов определённое влияние оказывали и внешние обстоятельства, прежде всего – наблюдавшиеся в конце XIX – начале XX вв. трансформации в европейской философской мысли. Повсеместное разочарование в позитивизме непосредственным образом сказывалось и на взглядах отечественных учёных. Российские правоведы хотя и продолжали оставаться под значительным влиянием данного учения, однако параллельно в их среде можно наблюдать процесс поиска новых ориентиров в научно-исследовательской деятельности. В частности, указанное обстоятельство обусловило обращение юристов петербургской школы к современному им наследию немецкой исторической школы права.

Подводя итог, на основании результатов проведённого анализа историософских и теоретико-методологических взглядов учёных Петербургского университета можно отметить:

- специфику философии, теории и методологии истории на каждом из рассмотренных факультетов: так, представителям историко-филологического факультета в большей степени оказалось свойственно внимание к вопросам о закономерности исторического процесса, о роли личности и социума в истории, месте культуры в развитии общества; востоковеды петербургской школы неизменно подчёркивали важнейшую роль языка в истории, а также рассматривали прошлое с позиций соотношения Восток-Запад; юристы Петербургского университета были склонны видеть превалирующее значение государственного начала в историческом развитии, подчёркивая его тесную взаимосвязь с культурой и социумом;
- общие черты в мировоззрении и научной деятельности петербургских исследователей вне зависимости от их принадлежности к тому или иному подразделению университета (внимание к источниковой базе и её критический анализ, постоянное

совершенствование методологических основ научно-исследовательской деятельности, философское осмысление рассматриваемых вопросов);

- значительное влияние достижений западной философской мысли и происходящих в ней изменений на взгляды и научное творчество учёных Петербургского университета.

Заключение

На основании анализа библиографии, обзоров преподавания и отчётов о состоянии и деятельности Санкт-Петербургского (Петроградского) университета был определён круг исследователей-представителей петербургской университетской школы философии, теории и методологии истории, а также их место в университетской корпорации.

Кроме того, был выявлен основной круг текстов, связанных с развитием петербургской школы философии, теории и методологии истории. В качестве вспомогательных в исследовании привлекаются источники личного происхождения, также отражающие историософские и теоретико-методологические аспекты научного творчества учёных Петербургского университета.

В результате было установлено, что рассматриваемые исследователи принадлежали к разным поколениям. Наиболее ранняя научная деятельность старших представителей петербургского университетского сообщества (К. Н. Бестужева-Рюмина, В. И. Ламанского и др.) приходится на последнюю треть XIX в., в то время как младших (Н. И. Кареева, Н. Я. Марра и др.) - преимущественно на конец XIX – начало XX вв. Таким образом,

хронологические рамки творчества исследуемых учёных охватывают период с 1865 по 1933 г.

В процессе работы стало возможным определить значение подразделений университета в формировании школы. Ведущая роль при этом сохранялась за историко-филологическим факультетом, в рамках которого представлено наибольшее число текстов и учёных, используемых в выборке.

Кроме того, в результате анализа научного творчества представителей петербургской школы была выявлена специфика философии, теории и методологии истории на каждом гуманитарном факультете Петербургского университета, благодаря чему становится возможным проследить корреляцию между исследуемыми учёными областями научного знания и содержанием их историософских и теоретико-методологических концепций.

Рассмотренный феномен “кризиса” российской исторической науки конца XIX – начала XX вв. в отечественной историографии демонстрирует неоднозначность оценки исследователями не только факторов, повлиявших на его формирование, но и внутреннего содержания указанного явления. Анализ истории появления и развития концепции “кризиса” позволяет сделать вывод об основных причинах данного явления. Важнейшей из них является постепенный отказ отечественных исследователей от позитивистского подхода в качестве руководящего в процессе научной деятельности и, как следствие, философские и теоретико-методологические поиски российских учёных. При этом значительное влияние на мировоззрение и творчество последних оказали достижения немецкой философии, прежде всего, - Фрайбургской школы неокантианства.

В свою очередь, внутреннее содержание “кризиса” российской историографии характеризовалось отсутствием единого теоретико-методологического подхода среди отечественных исследователей, что нашло своё отражение в создании ими целого ряда самостоятельных концепций. В результате на рубеже XIX-XX вв. можно наблюдать усложнение историософского мышления учёных-историков, создание ими качественно

новых основ исторического познания. Кроме того, происходит формирование основ методологии истории как самостоятельного научного направления.

Своё отражение феномен “кризиса” находит и в рамках петербургского университетского сообщества. Историчесофские и теоретико-методологические поиски исследователей вместе с тем формируют уникальный образ всей школы. Являясь всеохватывающим, данный процесс затрагивает творчество не только учёных-историков, но и представителей других направлений научного знания – востоковедов, юристов, филологов, в результате чего можно также выделить специфику философии, теории и методологии истории на каждом гуманитарном факультете Петербургского университета.

Список источников и литературы

Источники

Неопубликованные источники

1. РГИА. Ф. 733. Оп. 123. Д. 9.
2. РГИА. Ф. 733. Оп. 136. Д. 49.
3. РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 1396.
4. РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 1506.
5. РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 414.
6. РГИА. Ф. 740. Оп. 8. Д. 626.
7. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16328.
8. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16330.
9. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16331.

Опубликованные источники

Делопроизводственные источники:

1. Обзорение преподавания на юридическом факультете Имп. Санкт-Петербургского университета на [1901-1902, 1902-1903, 1903-1904] на учебный год. СПб., [1901-1904].

2. Обзорение преподавания наук в Имп. Санкт-Петербургском [Петроградском] университете на [1904-1905, 1905-1906, 1906-1907, 1907-1908, 1908-1909, 1909-1910, 1910-1911, 1911-1912, 1912-1913, 1915-1916] учебный год. СПб. [Пг.], [1904-1912, 1915].
3. Обзорение преподавания наук в Имп. Санкт-Петербургском университете за 1883-1884 академический год. СПб., 1883.
4. Обзорение преподавания наук в Имп. Санкт-Петербургском университете на второе полугодие 1885-1886 учебного года. СПб., 1885.
5. Обзорение преподавания наук в Имп. Санкт-Петербургском университете на первое полугодие 1886-1887 учебного года. СПб., 1886.
6. Обзорение преподавания наук в Имп. Санкт-Петербургском университете на осеннее полугодие [1887-1889] учебного года. СПб., [1887-1889].
7. Обзорение преподавания наук в Имп. Санкт-Петербургском университете на весеннее полугодие [1888-1890] года. СПб., [1888-1890].
8. Обзорение преподавания наук в Имп. Санкт-Петербургском университете на осеннее и весеннее полугодия [1890-1900] года. СПб., [1890-1899].
9. Обзорение преподавания наук на историко-филологическом факультете Имп. Санкт-Петербургского [Петроградского] университета в осеннем полугодии [1901, 1904, 1915-1917, 1918] года. СПб. [Пг.], [б. г., 1916, 1918].
10. Обзорение преподавания наук на юридическом факультете Имп. Санкт-Петербургского [Петроградского] университета в осеннем полугодии [1909, 1911-1915, 1918] года и в весеннем полугодии [1910, 1912-1916] года. СПб. [Пг.], [1909, 1911-1915, 1918].

11. Обзор преподавания наук по факультету восточных языков в [1900-1901, 1902-1903, 1903-1904, 1905-1906] учебном году. СПб., [б. г., 1902, 1905].
12. Обзор преподавания наук по факультету восточных языков Императорского Петроградского университета в осеннем полугодии [1915, 1917, 1918] года и в весеннем полугодии [1916, 1918, 1919] года. Пг., [1915, 1917, 1918].
13. Отчёты о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского [Петроградского] университета за 1882-1916 гг. СПб. [Пг.]: б. и., 1883-1916.

Источники личного происхождения:

1. Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 384 с.
2. Письма С. Ф. Платонова П. Н. Милюкову. Окончание (Подг. В. П. Корзун, М. А. Мамонтова) // История и историки. 2003. Историографический вестник. М.: Наука, 2003. С. 311-339.
3. Пресняков А. Е. Письма и дневники. 1889-1927. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 966 с.

Историографические источники:

1. Бартольд В. В. Иран. Исторический обзор // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 7. Работы по исторической географии и истории Ирана. М.: Наука, 1971. С. 229-336.
2. Бартольд В. В. К истории крестьянских движений в Персии // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 7. Работы по исторической географии и истории Ирана. М.: Наука, 1971. С. 438-449.
3. Бартольд В. В. Речь перед защитой диссертации // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 604-610.

4. Бартольд В. В. Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука, 1968. С. 468-472.
5. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 43-597.
6. Бестужев-Рюмин К. Н. История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. Т. I-IX. Москва, 1851-1859. Т. X. СПб., 1860 // Отечественные записки. 1860. Т. СXXXII. С. 1-28.
7. Бестужев-Рюмин К. Н. Чему учит русская история // Древняя и Новая Россия. Исторический иллюстрированный ежемесячный сборник. 1877. Т. 1. С. 5-25.
8. Бодуэн де Куртенэ И. А. Август Шлейхер (1870) // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 35-44.
9. Бодуэн де Куртенэ И. А. Национальный и территориальный признак в автономии. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1918. 84 с.
10. Бодуэн де Куртенэ И. А. Несколько слов о сравнительной грамматике индо-европейских языков. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1882. 53 с.
11. Бодуэн де Куртенэ И. А. О смешанном характере всех языков // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 362-372.
12. Бодуэн де Куртенэ И. А. Языкознание, или лингвистика, XIX века // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 3-18.
13. Виппер Р. Ю. Кризис исторической науки. Казань: Гос. изд-во, 1921. 37 с.
14. Виппер Р. Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания // Вопросы философии и психологии. М., 1900. Кн. III (53). С. 450-480.

15. Виппер Р. Ю. Очерки теории исторического познания. М.: Типолитограф-т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1911. 284 с.
16. Градовский А. Д. Вступительная лекция по государственному праву, читанная в С.-Петербургском университете А. Градовским, 10 октября 1866 года // Градовский А. Д. Собрание сочинений. Т. 1. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. С. 1-20.
17. Градовский А. Д. Государственное право важнейших Европейских держав. Т. 1. // Градовский А. Д. Собрание сочинений. Т. 4. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. 816 с.
18. Градовский А. Д. Мечты и действительность. (По поводу речи Ф. М. Достоевского) // Градовский А. Д. Собрание сочинений. Т. 6. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. С. 375-383.
19. Градовский А. Д. Политические теории XIX столетия. Государство и прогресс // Градовский А. Д. Собрание сочинений. Т. 3. СПб.: М. М. Стасюлевича, 1899. С. 3-132.
20. Градовский А. Д. Политические теории XIX столетия. Парламентаризм во Франции // Градовский А. Д. Собрание сочинений. Т. 3. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. С. 133-268.
21. Градовский А. Д. Социализм на Западе Европы и в России // Градовский А. Д. Собрание сочинений. Т. 3. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. С. 377-492.
22. Кареев Н. И. Историка: теория исторического знания // Кареев Н. И. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 352-548.
23. Кареев Н. И. Историология: теория исторического процесса. М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2011. 328 с.
24. Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1897. 475 с.
25. Карсавин Л. П. Введение в историю. (Теория истории). Пг.: Наука и школа, 1920. 78 с.

26. Карсавин Л. П. О началах (опыт христианской метафизики) // Карсавин Л. П. Сочинения. СПб.: Умка-Press, 1994. Т. 6. 375 с.
27. Карсавин Л. П. Основы средневековой религиозности в XII-XIII веках преимущественно в Италии. Пг.: Научное дело, 1915. 360 с.
28. Карсавин Л. П. Философия истории. СПб.: АО "Комплект", 1993. 351 с.
29. Ковалевский М. М. Современные социологи. СПб.: Изд. Л. Ф. Пантелеева, 1905. 414 с.
30. Ковалевский М. М. Социология. В 2-х т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. Т. 1. Социология и конкретные науки об обществе. Исторический очерк развития социологии. 300 с.
31. Ковалевский М. М. Социология. Теоретико-методологические и историко-социологические работы. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2011. 688 с.
32. Ламанский В. И. Геополитика панславизма. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 928 с.
33. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М.: Издательский дом "Территория будущего", 2006. 472 с.
34. Лаппо-Данилевский А. С. Основные принципы социологической доктрины О. Конта // Проблемы идеализма: сб. статей. М.: Московское психологическое общество, 1902. С. 394-490
35. Лучицкий И. В. Джемс Сорольд Роджерс (некролог) // Юридический вестник. Издание Московского Юридического общества. 1891. Т. 7. № 2. С. 171-185.
36. Лучицкий И. В. Отношение истории к науке об обществе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18. № 1. С. 62-67.
37. Марр Н. Я. Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории // Марр Н. Я. Язык и общество. Избранные работы. Т. 3. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. С. 61-77.

38. Марр Н. Я. О происхождении языка // Марр Н. Я. Основные вопросы языкознания. Избранные работы. Т. 2. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. С. 179-209.
39. Марр Н. Я. Общий курс учения об языке // Марр Н. Я. Основные вопросы языкознания. Избранные работы. Т. 2. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. С. 23-126.
40. Марр Н. Я. Основные достижения яфетической теории // Марр Н. Я. Этапы развития яфетической теории. Избранные работы. Т. 1. Л.: Изд-во ГАИМК, 1933. С. 197-216.
41. Марр Н. Я. Язык и мышление // Марр Н. Я. Язык и общество. Избранные работы. Т. 3. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. С. 90-122.
42. Проблемы идеализма: сб. статей. Ред. Новгородцев П. И. М.: Московское психологическое общество, 1902. 521 с.
43. Ольденбург С. Ф. Восток и Запад // Запад и Восток: сборник Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. Книга первая и вторая. М.: Тип. ГИЗ'а, 1926. С. 14-18.
44. Ольденбург С. Ф. Новая встреча Востока и Запада через тысячелетия // Ариаварта. СПб., 1999. № 3. С. 5-14.
45. Пресняков А. Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг.: Колос, 1922. 95 с.
46. Пресняков А. Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием "Образование великорусского государства". Пг.: Девятая Государственная типография, 1920. 10 с.
47. Сергеевич В. И. Задача и метода государственных наук: очерки современной политической литературы. М.: Тип. Грачева и Ко, 1871. 231 с.
48. Сергеевич В. И. Исследование г. Затыркевича в области домонгольского периода русской истории // ЖМНП. 1876. № 183. С. 204-235.

49. Тарле Е. В. И. В. Лучицкий. К пятидесятилетию его научно-литературной деятельности. 1863-1913 // Тарле Е. В. Сочинения в двенадцати томах. Т. 11. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 378-394.

Литература:

1. Алеврас Н. Н. Петербургская школа историков. К. Н. Бестужев-Рюмин (из лекционного опыта) // Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования. Сб. науч. статей. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 171-184.
2. Алпатов В. М. Марр, марризм и сталинизм // Философские исследования. 1993. № 4. С. 271-288.
3. Алпатов М. А. Кризис русской буржуазной медиевистики в начале XX века // Проблемы историографии: Тезисы и рефераты докладов и сообщений на межвузовской конференции. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1960. С. 23-26.
4. Ананьич Б. В. “Петербургская историческая школа” // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М.: Наука, 1996. С. 670-675.
5. Ананьич Б. В., Панях В. М. О петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история. 2000. № 5. С. 105-113.
6. Брачев В. С. “Наша университетская школа русских историков” и её судьба. СПб.: Стомма, 2001. 246 с.
7. Брачев В. С. Русский историк Сергей Фёдорович Платонов: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1996. 39 с.
8. Бычков С. П., Корзун В. П. Введение в историографию отечественной истории XX века. Омск: Изд-во ОмГУ, 2001. 359 с.
9. Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб.: Наука, 2000. С. 7-100.
10. Васильев Ю. А. Феномен “Ecole russe”: теория истории Н. И. Кареева // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 3. С. 121-134.

11. Вернадский Г. В. Русская историография. М.: Аграф, 1998. 448 с.
12. Виноградов В. В. И. А. Бодуэн де Куртенэ // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 6-20.
13. Десницкая А. В. Н. Я. Марр и задачи исторического языкознания // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. VIII. Вып. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 467-473.
14. Дорошенко Н. М. Философия и методология истории в России (конец XIX – начало XX в.). СПб.: Изд-во С-Петербургского ун-та, 1997. 179 с.
15. Жуковская Т. Н. Некоторые размышления о “петербургской школе” // Третьи мартовские чтения памяти С. Б. Окуня: Материалы научной конференции. СПб.: Контрфорс, 1997. С. 8-14.
16. Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический Проект “Раритет”, 2001. 880 с.
17. Киреева Р. А. К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX века. М.: Наука, 1990. 264 с.
18. Корзун В. П. Московская и петербургская школы русских историков в письмах П. Н. Милюкова С. Ф. Платонову // Отечественная история 1999. № 2. С. 171-182.
19. Корзун В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX-XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург-Омск: Изд-во ОмГУ, 2000. 226 с.
20. Корзун В. П. Отечественная историческая наука на рубеже XIX-XX веков: “кризис” или расцвет? // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 11-33.
21. Леонтьева О. Б. Кризис в российской исторической науке рубежа XIX-XX вв. в понимании современной историографии // Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 3. С. 68-75.

22. Лунин Б. В. Жизнь и деятельность академика В. В. Бартольда: Средняя Азия в отечественном востоковедении. Ташкент: Изд-во "Фан", 1981. 223 с.
23. Малинов А. В. Академическая философия истории в России (вторая половина XIX - начало XX века). Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 616 с.
24. Малинов А. В., Погодин С. Н. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб.: Искусство, 2001. 288 с.
25. Милюков П. Н. Воспоминания (1859-1917). М.: Современник, 1990. 446 с.
26. Милюков П. Н. Рец.: Середонин С. М. Сочинение Джильса Флетчера "Of the russe common wealth" как исторический источник. СПб., 1891 // Русская мысль. 1892. № 2. Библиографический отдел. С. 64-73.
27. Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. I: Кризис историзма. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. 206 с.
28. Могильницкий Б. Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1969. 408 с.
29. Могильницкий Б. Г. Современный этап кризиса буржуазной исторической науки // Вопросы истории. 1980. № 9. С. 62-67.
30. Мягков Г. П. "Русская историческая школа": Методологические и идейно-политические позиции. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1988. 199 с.
31. Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт "русской исторической школы". Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2000. 298 с.
32. Нечухрин А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. - 1917 г.). Гродно: Изд-во ГрГУ, 2003. 349 с.

33. Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Очерк русской философии истории // Русская историософия: антология. М.: РОССПЭН, 2006. С. 5-108.
34. Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Русская философия истории. М.: ИЧП “Издательство Магистр”, 1997. 328 с.
35. Петрушевский И. П. Академик В. В. Бартольд // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 14-21.
36. Погодин С. Н. “Русская школа” историков и социология // Многоликая современность. Сборник к 60-летию доктора философских наук, профессора Владимира Вячеславовича Козловского. СПб.: Интерсоцис, 2014. С. 86-114.
37. Погодин С. Н. “Русская школа” историков: Н. И. Кареев, И. В. Луцицкий, М. М. Ковалевский. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1997. 380 с.
38. Погодин С. Н. Русский европеец А. С. Лаппо-Данилевский // Русская и европейская философия: пути схождения: материалы научной конференции. СПб.: ИП Комплект, 1999. С. 49-69.
39. Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов (Историографические очерки, критические статьи и заметки). М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1933. Вып. I. 327 с.; Вып. II. 450 с.
40. Покровский М. Н. Профессор Р. Виппер о кризисе исторической науки // Под знаменем марксизма. 1922. № 3. С. 33-36.
41. Пыпин А. Н. Русское славяноведение в XIX столетии. Окончание // Вестник Европы. СПб., 1889. № 5. С. 257-305.
42. Рамазанов С. П. Кризис в российской историографии начала XX века: В 2 ч. Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 1999. Ч. 1. Постановка и попытка решения проблемы. 144 с.
43. Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский в петербургской университетской корпорации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 3. С. 29-44.

44. Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань: НРИИД, 2004. 352 с.
45. Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский как представитель петербургской исторической школы // Петербургские чтения 97. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр "БЛИЦ", 1997. С. 413-416.
46. Ростовцев Е. А. Дискурс "петербургской исторической школы" в научной литературе // Фигуры истории, или "общие места" историографии. Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. СПб.: Северная звезда, 2005. С. 303-341.
47. Ростовцев Е. А. Методология истории петербургской исторической школы // Петербургские чтения 98-99. СПб.: Петербургский институт печати, 1999. С. 412-415.
48. Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи: учёное сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 903 с.
49. Ростовцев Е. А. Термин "Петербургская историческая школа" в историографических источниках // Петербургские чтения 98-99. СПб.: Петербургский институт печати, 1999. С. 415-418.
50. Ростовцев Е. А. Университет столичного города (1905-1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века). М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 205-370.
51. Рубинштейн Н. Л. Классовая борьба на историческом фронте. Иваново-Вознесенск: Тип. им. В. И. Ленина 1931. 58 с.
52. Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М.: Госполитиздат, 1941. 659 с.
53. Саприкина О. В. Историческое развитие славянских народов в интерпретации российских учёных-славистов второй половины XIX в. // Люди и тексты. Исторический альманах. Информационное

- пространство истории. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2014. С. 272-291.
54. Саприкина О. В. Трактовка славянской идеи В. И. Ламанским на страницах Журнала Министерства народного просвещения // Вестник РГГУ. Серия “Исторические науки. Всеобщая история”. № 18 (61)/10. М.: Издательский центр РГГУ, 2010. С. 258-269.
55. Синицын О. В. Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX – начале XX вв. Казань: Унипресс, 1998. 160 с.
56. Смирнов С. Б. Петербург-Москва: сумма истории. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2000. 269 с.
57. Тимашев Н. С. Социологические теории Максима Ковалевского // Ковалевский М. М. Социология. Теоретико-методологические и историко-социологические работы. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2011. С. 625-642.
58. Тихонов В. В. Московская и петербургская школы “русских историков” в контексте дихотомии “Москва-Петербург” (конец XIX – начало XX в.) // Люди и тексты. Исторический альманах. 2012. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2013. С. 344-378.
59. Хвостов М. М. К вопросу о задачах истории // Сборник статей, посвящённых Василию Осиповичу Ключевскому. Ч. 2. М.: Т-во “Печатня С. П. Яковлева”, 1909. С. 791-825.
60. Хмылёв Л. Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX в. Томск: Изд-во ТГУ, 1978. 172 с.
61. Цамутали А. Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л.: Наука, 1986. 336 с.
62. Черепнин Л. В. А. С. Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед // Вопросы истории. 1949. № 8. С. 30-51.

63. Черепнин Л. В. Кризис буржуазной исторической науки в период империализма // Очерки истории исторической науки в СССР: в 3 т. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 3. С. 239-278.
64. Чирков С. В. Археография и школы в русской исторической науке XIX – начала XX века // Археографический ежегодник за 1989 г. М.: Наука, 1990. С. 19-27.
65. Шаханов А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX - начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М.: Наука, 2003. 419 с.
66. Шилков Ю. М. Яфетическая философия языка Н. Я. Марра // Вече. Альманах русской философии и культуры. Вып. 16. СПб., 2004. С. 75-92.
67. Шмидт С. О. Жизнь и творчество историка С. Ф. Платонова в контексте проблемы “Петербург-Москва” // Шмидт С. О. После 75: Работы 1997-2001 годов. М.: Изд-во РГГУ, 2012. С. 487-491.
68. Щерба Л. В. И. А. Бодуэн де Куртенэ: Некролог // Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. Т. III. Кн. 1. С. 311-326.
69. Якубовский А. Ю. Проблема социальной истории народов Востока в трудах академика В. В. Бартольда // Вестник Ленинградского университета. 1947. № 13. С. 62-70.

Список сокращений:

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

РГИА – Российский государственный исторический архив

ФОН – факультет общественных наук

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга